

КАРХАЙМ: ЦЕНА РАЗВИТИЯ

Михаил Филатов

Кархайм: Цена Развития

«Автор»

2026

Филатов М.

Кархайм: Цена Развития / М. Филатов — «Автор», 2026

Какую цену платят те, кто развивается истово, жадно, и не обращает внимание на последствие? Какую цену готовы заплатить те, кто хочет стать сильнее? И какую цену платит весь - Вид. Когда приходится расплачиваться за гордыню и высокомерие?

© Филатов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Горящий квартал. Посольство	5
Глава 2. Ферма на краю неба	12
Глава 3. Суворовское Космическое Училище	20
Глава 4. Девять Ковчегов Наследия	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Михаил Филатов

Кархайм: Цена Развития

Глава 1. Горящий квартал. Посольство

Запах пришёл первым. Уильям открыл глаза в темноте и первая мысль была нелепой, почти домашней, кто-то жжёт листья во дворе. Но был март, никаких листьев и запах был неправильным, едкий с привкусом горячей резины и чего-то химического, что щипало в носу глубже, чем дым от камина.

Он сел на кровати. За окном, а он не задёргивал шторы почти никогда, привычка с фермы, там некого бояться, там горизонт и поля с культурами, за окном было слишком светло для трёх ночи. Оранжевый свет лежал на потолке неровными пятнами, дышал, разрастался, опадал и снова разрастался. Уильям смотрел на эти пятна несколько секунд, не меньше, прежде чем до него дошло.

Пожар, квартал за Честнат-стрит. Он встал и подошёл к окну, ещё не до конца понимая, три квартала к северу небо было красным. Не закатным, злым и рваным, с чёрными столбами, которые поднимались и растворялись в дымном мареве. Где-то там хлопнуло раз, потом ещё раз, звук, который не перепутаешь ни с чем если слышал хоть раз. Уильям слышал, он вырос в Теннесси, и отец брал его на охоту с двенадцати лет.

— Линн. Он произнёс это вполголоса, почти без интонации, потому что горло ещё не проснулось. Она спала на его стороне, отвернувшись к стене, волосы разметаны по подушке, светлые, пшеничные, он всегда думал что это самое красивое, что он видел в жизни.

— Линн, вставай. Она пошевелилась, что-то пробормотала, вопрос без слов.

— Вставай, повторил он уже иначе. — Там горит. Вставай, Линн.

Она открыла глаза и посмотрела на него, и, видимо, что-то было в его голосе, потому что она не стала спрашивать «что случилось» и не потянулась за телефоном. Просто встала.

Уильям прошёл в детскую. Маленький Харад, они звали его просто «малой», имя ещё не прилипло как следует, слишком маленький был, лежал в кроватке на спине, раскинув руки, как будто спал крестом. Уильям взял его, и тот не проснулся сразу. Потом разлепил глаза, тёмные и серьёзные, совсем не сонные, как будто и не спал вовсе, а просто ждал. Не заплакал. Уильям не знал, хорошо это или плохо, он прижал сына к плечу и вернулся в комнату.

— Одевайся быстро, тепло, и обувь нормальную.

Линн уже натягивала джинсы. С улицы донёсся звук разбитого стекла, один, потом сразу несколько, целая дробь, как будто кто-то методично проходил по витринам. Потом они услышали голоса, испанский, быстрый и злой, с выкриками, которые Уильям не понимал, но интонацию читал без перевода. Потом английский, кто-то орал что-то про свой дом и свои права. Потом автоматная очередь, короткая, злая, и всё смолкло на пять секунд.

Потом снова, стекло, голоса. Уильям стоял посреди комнаты с сыном на руках и чувствовал, как что-то перестраивается внутри. Не страх, страх был, но где-то на периферии. Что-то более холодное и более ясное занимало центр: список. Что взять. Куда идти и как.

Документы. Наличные, он знал где всё лежит, он всегда знал, где лежат наличные, Линн смеялась, что он как дед во время депрессии. Паспорта, свидетельство о рождении малого, нож охотничий, с наборной ручкой, висел на крючке в прихожей, он привёз его из Теннесси как единственное, что взял из отцовского дома.

— Уилл, сказала Линн, и в её голосе не было паники, только вопрос. — Куда мы идём?

— Через чёрный ход, сказал он. — На Клейтон и потом на юг. Там участок.

Он передал ей сына, тот перебрался к матери без звука, только схватился за её волосы маленьким кулаком, и пошёл в прихожую. Куртка, нож на пояс. В ящике под зеркалом: паспорта в файлике, наличные в конверте, он пересчитал не глядя, нащупывая пачку на ощупь, документы на малого. Из-за угла, с Честнат-стрит донёсся звук, который он раньше слышал только в кино. Длинная очередь, потом ещё одна, потом что-то тяжёлое ударилось о землю. Крик, один, короткий, и снова тишина.

Уильям застегнул куртку.

— Ты готова?

— Да.

Линн держала малого крепко, прижав его к себе спиной вперёд, и тот смотрел поверх её плеча на отца, спокойно, серьёзно, как будто происходящее было ему понятно или, наоборот, настолько непонятно, что пугаться было ещё рано.

— Через чёрный ход, повторил он, уже для себя. — Держись за мной.

* * *

Переулок оказался темнее, чем Уильям ожидал. Фонари не горели или их разбили раньше, а может отключилось питание по всему кварталу, не разберёшь. Единственный свет шёл с параллельной улицы: оранжевый, живой и дрожащий. Горела машина. Уильям понял это не сразу, сперва увидел просто свет, тёплый и в чём-то даже красивый, только потом запах добрался до него сквозь холодный воздух, резина и масло, ещё что-то химическое, едкое, что садилось в горле.

На перекрёстке копошилась толпа. Он насчитал человек двенадцать, но скорее всего больше, в темноте не поймёшь сразу. Витрина магазина была выбита начисто, стекло хрустело под ногами, и люди тащили что-то внутрь и наружу, передавая из рук в руки. Электроника, коробки, что-то в пакетах. Один тянул за собой манекен, зачем, непонятно, но тянул упрямо, как будто это имело смысл.

Уильям взял Линн за руку и потянул влево, вдоль кирпичной стены.

— Не туда, шепнул он, хотя шептать было незачем, шум с перекрёстка перекрывал всё. — Обходим.

Линн кивнула. Малой сидел у неё на руках, завернутый в куртку поверх своей, и молчал. Уильям на секунду поймал его взгляд, тот смотрел не на огонь и не на толпу, а на отца, серьёзно. Уильям отвернулся и повёл их вдоль стены. Они шли быстро, не бегом, бег привлекал внимание, он откуда-то это знал, наверное из чего-то прочитанного или услышанного в прошлом, или с армии остались знания, не важно. Шаг уверенный, голову не задирать. Линн держалась вплотную за его спиной, её дыхание он слышал у себя над плечом, ровное и контролируемое, она держалась хорошо, лучше, чем он ожидал. Малой перебрался к нему в какой-то момент, не говоря ничего, просто вцепился двумя руками в воротник его рубашки и так и сидел, маленький тёплый груз на левой руке.

Они свернули за угол, здесь было тише. Мусорные баки, чьи-то велосипеды примотанные к трубе, пожарная лестница уходила вверх в темноту. Уильям прошёл ещё двадцать шагов и остановился, пересчитал ориентиры соображая, где они. Клейтон должна быть прямо, через арку. Там прямо и на юг.

— Ты как, в порядке? тихо спросил он, не оборачиваясь.

— Да, сказала Линн, немного помолчав, она спросила. — Уилл, это надолго?

Он не ответил, потому что не знал. Потому что правильный ответ был не тот, который она хотела услышать.

Они пошли через арку, очередь пришла из темноты слева, короткая на три или четыре выстрела подряд, и Уильям почувствовал, как Линн толкнула его в спину. Не руками, всем

телом, неконтролируемо, как будто что-то ударило её сзади и передало импульс через неё в него. Он развернулся, но она уже падала, медленно... ему так казалось, хотя он понимал, что это неправда, что это просто голова замедляла то, что не могла принять. Колени подогнулись первыми, потом она осела на бок, и он успел подхватить только её плечо, не больше. Малой закричал, первый раз за всё это время, один короткий крик и сразу замолчал.

Уильям прижался к стене, закрыв сына собой, спиной к кирпичу. Сердце колотилось так, что мешало думать. Темнота слева была тихая, никакого движения, никаких голосов, только запах пороха, ветер и далёкий гул с перекрёстка. Он посмотрел вниз, Линн лежала на асфальте. Он видел её руку, раскрытую ладонью вверх, пальцы чуть согнуты. Видел, как она дышала, раз, ещё раз, и потом резко перестала на полувдохе. Уильям стоял неподвижно, прислонившись к стене, малой на его руке не шевелился. Где-то в голове происходило что-то, не мысли а просто давление, как будто слишком много воздуха в закрытой комнате, и он не давал ему выйти, потому что если выйдет, то он не встанет.

Он не знал, сколько прошло, потом поднял голову и осмотрелся. Темнота молчала. Уильям переложил малого на правую руку, проверил, что тот держится, тот держался, крепко, обеими руками за рубашку как клещами, и пошёл вперёд. Туда, где была арка и Клейтон-стрит.

Он не оглянулся, не потому что не хотел. Он хотел всем, чем можно хотеть, обернуться и посмотреть последний раз, и сделать что-то, что делают люди в таких случаях, он не знал точно что, просто что-то человеческое. Но он чувствовал, что если остановится, то не пойдёт дальше. Что остановка станет концом движения, и он просто сядет рядом с ней на этом асфальте под чужой аркой в чужом горящем городе, и тогда малой тоже не пойдёт никуда. Этого он себе не позволил, заставил сделать себя первый шаг, потом ещё шаг. Арка пропустила их в холодный воздух Клейтон-стрит. Где-то вдали выла сирена, одна, потом замолчала на полуслове.

Малой всё ещё держался за его рубашку. Уильям шёл на юг.

* * *

Участок стоял на углу Клейтон и Меридиан, построенное здание из старого и хорошего кирпича, трёхэтажный, построенный ещё в те времена, когда кирпич был материалом для чего-то постоянного. Сейчас он выглядел как последний зуб во рту: окна задраены бронированными ставнями, перед входом стальные решётки поверх ступеней, над дверью был в прожектор. Внутри горел свет. Это Уильям увидел сквозь щель между ставнями, жёлтый, обычный и казённый свет, как будто там просто работают люди. Занимаются делами.

Снаружи с крыши торгового центра напротив тянуло гарью. Дым шёл низко, стелился по асфальту клочьями, как туман в кино про войну. Уильям подошёл к решётке. Малой сидел у него на левой руке, держался за рубашку, не плакал, просто держался, и это молчание было тяжелее, чем крик. Уильям взялся за прутья правой рукой и потряс. Потом ещё раз. Потом нашёл кнопку домофона сбоку, вдавил её и держал.

Долго ничего не было. Потом за стеклом двери появился человек в форме. Молодой, меньше тридцати, с бейджем на груди и бронежилетом поверх синей рубашки. Он подошёл к двери, остановился в метре от стекла и посмотрел на Уильяма. Потом взгляд скользнул на малого. Офицер что-то оценивал их недолго, всего секунду, может две, потом покачал головой. Медленно, почти извиняющимся жестом, как будто объяснял что-то само собой разумеющееся.

Уильям нажал домофон ещё раз. Офицер поднял руку, показал в сторону, туда, откуда Уильям пришёл, или просто в сторону, он не понял, потом произнёс что-то. Сквозь сталь и стекло не было слышно ничего, но губы читались просто: периметр закрыт, приказ сверху.

— Слышь, сказал Уильям.

Тихо и ровно, он ещё держался.

— У меня ребёнок. Двухлетний. Жену только что убили в квартале отсюда. Мне нужно внутрь.

Офицер не двинулся с места, просто и равнодушно смотрел.

— Открой дверь, сказал Уильям. — Просто открой дверь, и всё.

Офицер снова покачал головой. Теперь без извинения в жесте. Просто нет.

Что-то внутри у Уильяма переменялось, не сломалось, не лопнуло, просто переменялось, как переключают передачу, и он почувствовал, как гнев поднимается спокойно и методично, без дрожи, и это было хуже, чем если бы с дрожью.

— Ты видишь ребёнка, сказал он громче. — Ты видишь его прямо сейчас. Ты смотришь на него.

Офицер за стеклом не шевелился. Руки сложены перед собой. Лицо профессиональное, то лицо, которому учат чтобы не давать ничего читать.

Уильям сделал шаг назад от решётки. Переложил малого на правую руку, тот перехватился руками автоматически, не глядя, как будто давно привык, и Уильям выровнял дыхание. Один вдох, второй. Потом он сказал всё, что думал.

Не быстро, а медленно, и подбирая слова с той же тщательностью, с которой подбирают инструмент для работы. Он сказал офицеру лично, по-человечески и без обиняков, что именно тот из себя представляет и что он делает в эту ночь, надевая форму и стоя за стеклом. Сказал про участок, про то, для чего он построен и для кого, и чем то, что происходит сейчас, отличается от того, для чего он предназначен. Сказал про приказ сверху и про тех, кто этот приказ отдал, коротко и ёмко, с конкретными анатомическими подробностями относительно того, куда им следует этот приказ засунуть. Сказал про город. Про всю систему, которую этот участок олицетворяет, и про то, чего она в итоге стоит, если вот это, две решётки и бронированная дверь между вооружёнными бандами снаружи и казённым светом внутри, считается работой. Голос у него не поднимался выше разговорного. Он не кричал. Это было хуже крика, он сам это чувствовал, и, кажется, офицер за стеклом тоже, потому что тот отвёл глаза куда-то в сторону.

Малой смотрел на него спокойно. Большими глазами, без страха, как смотрят, когда ещё не понимают слов, но чувствуют, что это важно. Уильям замолчал. Стоял и смотрел на ублюдка, которому было наплевать. Тот смотрел не на него а куда-то мимо, в сторону, туда, где не было ничего, кроме стены с объявлениями. Ведь это так просто, взять и прикрыться приказом. И не ощущать себя виноватым ни в чём, что происходит за пределами участка...

Уильям развернулся, он слышал или ему казалось, что слышал, как за стеклом кто-то сдвинулся с места. Шаг. Может быть, офицер всё-таки шёл к двери. Может быть, нет. Уильям не обернулся проверять, один раз за вечер он уже позволил себе посмотреть назад, и хватит.

Он пошёл на юг. Малой продолжал держаться за рубашку.

* * *

Он пошёл на юг. Не потому что знал наверняка, потому что помнил: посольство было на юге относительно их квартала, и если держать примерно это направление, никуда не сворачивая без причины, рано или поздно должно появиться. Рано или поздно. Слова эти он в голову не пускал, только направление держал. Малой спал у него на плече. Уильям заметил это не сразу, просто в какой-то момент почувствовал, что тот перестал сжимать рубашку пальцами, и голова стала тяжелее, мягкой тяжестью, как бывает только у спящего ребёнка. Он на секунду притормозил, прислонился к стене между двумя выбитыми витринами и переложил малого на правое плечо, поправил голову. Тот засопел, не просыпаясь.

Хорошо, подумал Уильям. Так будет лучше, плакать не будет. Не закричит в темноте, когда не надо. Он нёс его дальше и думал о том, что это, наверное, единственная хорошая вещь, случившаяся за сегодняшнюю ночь.

Улица впереди горела, не дом, а мусорные баки вдоль тротуара, и огонь давал достаточно света, чтобы видеть шагов на двадцать. Дым шёл низко, ел глаза. Уильям опустил голову, прикрыл ладонью лицо малого и прошёл вдоль другой стороны, там, где между огнём и стеной оставался коридор.

Он знал этот район. Не как турист, а как человек, который ходил здесь несколько лет подряд: на работу, в магазин, к Карлосу на угол за кофе по утрам, потому что Карлос делал его правильно и стоил он правильно. Вот тут был магазин с синей вывеской, сейчас вывески не было, только дыра в витрине и осколки на тротуаре. Вот тут была парикмахерская, дверь нараспашку, внутри темно, кто-то всё равно уже там побывал. Он шёл по памяти, и это было странное чувство: ориентироваться по карте места, которое стало другим местом.

На перекрёстке он услышал их раньше, чем увидел, голоса и злорадный смех, звук разбивающегося стекла, весёлый и деловой одновременно. Уильям свернул в переулок между домами, прижался к стене и переждал. Мародёры прошли мимо с тележкой из супермаркета, четверо, с фонарями и не торопясь, как люди, что занимаются привычной им работой. Один нёс за лямки дорогой рюкзак, явно только что срезанный с кого-то. Уильям смотрел на них из темноты, не двигаясь, и думал о том, что злиться на них у него уже нет сил.

Малой не просыпался. Второй раз пришлось укрываться серьёзнее. Он услышал их задолго, звук шагов, много и слаженно, не как толпа. Нырнул в подъезд, дверь которого болталась на одной петле, встал в нишу за почтовыми ящиками, накрыл малому голову рукой. Через разбитое боковое окно увидел: балаклавы, тёмная одежда, у нескольких за спиной оружие. Они шли сосредоточенно и быстро, не останавливаясь. Чья сторона, непонятно, может, ополчение, но вряд-ли. Уильям стоял и не шевелился, пока последний из них не скрылся за углом и звук шагов не затих.

Вышел и пошёл дальше. Левая рука занемела, он снова переложил малого, поморщился, поменял плечо. Ноги к этому времени уже не болели. они просто были как два чужих тяжёлых предмета, которые нужно было тащить с собой. Дым за кварталом стал гуще: там горело что-то большое, капитально, с чёрными клубами до неба. Уильям обошёл это место через параллельную улицу, срезав крюк, который добавил, наверное, с километр.

Он не думал ни о чём конкретном. Думать было незачем, нужно было только идти. На какой-то момент ему показалось, что он заблудился, улица вышла не туда, куда он ожидал, и он стоял на перекрёстке, глядя на незнакомые, хотя и знакомые дома, пытаясь совместить то, что видит, с тем, что помнит. Потом нашёлся, вон та аптека с зелёным крестом, давно не работающим, но крест был цел, и скорректировал курс. Ещё один квартал. Ещё один.

Малой пошевелился во сне, устраиваясь поудобнее, ухватил рубашку снова и рефлексивно, не просыпаясь. Уильям поправил его, придержал ладонью спину.

— Ничего, сказал он тихо, не малому, себе. — Осталось ещё немного, потерпи сын.

И тут за поворотом. сразу, без предупреждения, посольство.

Уильям остановился. Он стоял на тротуаре и смотрел, как будто не доверял тому, что видит. Ворота, не деревянные, а настоящие, толстый металл и бетон. Защищённые прожектора над въездом, белый резкий свет, и в этом свете видно было чисто и далеко, асфальт без битого стекла, ограждение без граффити, флаг России над зданием, неподвижный в тёплом ночном воздухе. И охрана: двое у ворот, ещё двое чуть правее, все на месте, все с оружием и в броне, и это оружие не направлено никуда, просто при людях, у людей, которые стоят там, где и должны стоять.

Живые люди, и которые никуда не уходили. Уильям выдохнул. Это вышло медленно и нервно, как будто он не дышал последние полчаса и только сейчас вспомнил.

Он перехватил малого покрепче и пошёл к воротам.

* * *

Охранник у ворот увидел его издалека, Уильям это понял по тому, как тот чуть переменял позу, не напряжённо, но внимательно, и что-то коротко произнёс в рацию, не отводя взгляда. Белый, лет тридцати пяти, кровь на рубашке засохла и потемнела, ребёнок на левой руке. Наверное, именно так он и выглядел человек, которого нужно куда-то определить.

Уильям шёл к воротам ровно, не торопясь, и держал руки на виду. Второй охранник сделал шаг вперёд, простой и не угрожающий, скорее уточняющий. Что-то сказал по-русски. Уильям не понял ни слова. Он остановился в метре от ворот и посмотрел на охранника прямо.

— Asylum, сказал он. Слово вышло ровно, почти без интонации. — My wife is dead. He is two years old.

Он поднял сына чуть выше, не для эффекта, просто чтобы было видно. Малой не проснулся; только слабее уткнулся в плечо и снова обмяк.

Охранник смотрел на него секунду, потом опять сказал что-то в рацию, но теперь фраза была длиннее. Уильям стоял и ждал. Прожектора над воротами светили в глаза, и он немного опустил голову. За спиной, где-то за два-три квартала, гудело пламя и изредка хлопало, одиночные выстрелы, иногда слышались очереди.

Ворота открылись. Внутри было другое всё. Асфальт ровный, без выбоин, свет устойчивый и белый, а воздух как будто здесь не было дыма, хотя снаружи он был везде. Уильям понял, что это иллюзия: просто здесь было чисто, и поэтому казалось, что воздух тоже другой. Его провели коротким коридором и вывели в небольшое помещение, стол, несколько стульев, флаг в углу. За столом сидел офицер, рядом с ним женщина лет сорока с блокнотом. Офицер что-то сказал; женщина подняла голову и произнесла по-английски, без акцента, деловито:

— Ваше имя. Гражданство. Причина обращения.

— Уильям Харад. Гражданин США. Моя жена убита сегодня ночью. Прошу убежища для себя и сына.

Женщина переводила. Офицер слушал, не глядя на Уильяма. Задал вопрос.

— Где и при каких обстоятельствах погибла супруга?

— Квартал Линкольн-Хайтс. Бандиты с автоматическим оружием. Около одиннадцати вечера.

Ещё вопрос.

— Есть ли у вас документы, удостоверяющие личность?

— Паспорт.

Он вытащил паспорт левой рукой, правой держал сына, и положил на стол. Офицер взял, просмотрел, сказал что-то негромко, без интонации. Женщина кивнула и что-то пометила в блокноте.

Потом в комнату вошла ещё одна женщина в гражданском, но с каким-то значком на груди. Она посмотрела на малого и что-то сказала мягко. Переводчица обернулась:

— Ребёнку нужен осмотр. Медицинский персонал проверит состояние, стандартная процедура. Это займёт несколько минут.

Уильям не ответил сразу. Он стоял и смотрел на эту женщину с значком, потом перевёл взгляд на малого. Тот так и спал, щекой на его плече, губы чуть приоткрыты, ресницы не шевелятся. Уильям знал, что это правильно, осмотр это правильно, они делают своё дело, и всё равно что-то в груди сжалось и не отпускало.

Он разжал руки. Не сразу. Сначала убрал ладонь со спины, потом со лба, малой пошевелился, засопел, приоткрыл глаза и тут же закрыл, и женщина приняла его, держала уверенно и правильно, как держат детей люди, привыкшие держать детей. Малой опять затих.

Они вышли. А Уильям остался стоять у стены. Офицер что-то произнёс, наверное, что ему можно сесть. Уильям сел на металлическую скамью вдоль стены, руки были пустые. Он смотрел в стену напротив. Стена была серая, крашеная, без ничего, только кабельный короб

под потолком и маленькая вентиляционная решётка. Уильям смотрел на решётку. Где-то за стеной работал кондиционер; его не было слышно, только чуть чувствовалось движение воздуха у щиколотки.

Впервые за несколько часов он не двигался. Это было странное ощущение, как будто тело не знало, что с этим делать. Ноги всё ещё ждали следующего шага; плечи держали напряжение, от которого незачем было держаться. Уильям медленно выдохнул и почувствовал, как что-то в мышцах спины отпускает, не до конца, но чуть-чуть. Он не думал о Джессике, и не потому что не хотел. Просто разум не хотело вспоминать сейчас то что произошло. Там было что-то, чего он пока не мог трогать, как не трогают горячее, когда знают, что обожгут, и просто обходят стороной, пока не остынет.

Офицер куда-то ушёл, переводчица с блокнотом тоже. В комнате остался только Уильям и тихое гудение вентиляции. Он сидел и смотрел в стену, прошло, наверное, полчаса, может и меньше. Потом в дверях появился другой человек, молодой, в штатском и с тонкой папкой в руке.

— Господин Харад? Он говорил по-английски медленно, выговаривая каждое слово, явно не родной язык, но приемлемо.

— Ваш сын в порядке. Небольшое переохлаждение, ему сейчас дали тёплое питьё и уложили. Можете видеть его через несколько минут.

Уильям кивнул. Молодой человек раскрыл папку, взглянул на лист.

— Вам предоставлено временное убежище. Документы оформим утром.

— Хорошо, сказал Уильям.

Молодой человек, кажется, ожидал ещё чего-то, вопросов, возможно благодарности, или другой реакции. Уильям не дал ничего из этого. Он просто сидел на скамье, и смотрел не на него, а куда-то мимо, на кабельный короб под потолком, на вентиляционную решётку, на серую крашеную стену.

Молодой человек кивнул и вышел. Снаружи, где-то за два или три квартала, что-то снова ухнуло, один раз, тяжело. Потом ещё раз, и тишина. Уильям не повернул головы.

Его сын спал в соседней комнате. Это было всё, что он знал, и пока ему этого хватало.

Глава 2. Ферма на краю неба

Кладбище лежало на краю деревни, дальше и за низкой оградой из крашенных прутьев, уже начиналось поле. Поле было пустое, ноябрьское, оно пахало мёрзлой землёй и чем-то горьким от дальних деревьев. Небо сидело низко, серое, без просветов, такое небо, будто его кто-то придавил сверху и оно так и осталось.

Уильям стоял у свежего деревянного креста, крест был неровный. Планки он обтёсывал сам, в небольшой квартире при временном жилье, которое им выделили на первые месяцы, малым топором, с которым он разобрался методом нескольких отколотых щеп и одной слегка задетой фаланги. Дерево оказалось сырым, мягким, брало плохо. Крест вышел всё равно крестом и этого было достаточно.

Имя он вырезал ножом, Джессика. Буквы ложились неровно, он держал нож, как не надо держать нож для вырезания, и не знал этого, разобрался только к последней букве, когда уже поздно было переделывать. Первая «Д» получилась глубокой и широкой, последнее «а» почти не читалось. Посередине, годы, он помнил их оба без усилий, и это было неприятно, будто зудящая боль и пустота внутри...

Под крестом не было ничего. Земля была закопана просто так, для вида и формы, потому что нужно было куда-то смотреть. Тело осталось там, в Штатах, в квартале, куда он не вернулся. Где оно сейчас, он не знал и не хотел знать. Это была мысль, мимо которой он ходил аккуратно, как ходят мимо открытого люка в темноте.

Малой спал у него на руках. Казённое одеяло, плотное и тёплое, рыжеватое, было обмотано вокруг него несколько раз, и он лежал в нём, как личинка в коконе, лицом к уильямовской груди. Дышал ровно, весил столько, сколько весят дети его возраста, Уильям не знал, сколько это должно быть, знал только, что руки уже привыкли к этому весу так, что замечают его только когда его нет.

Рядом стоял священник. Уильям не просил его прийти, просто сказал при оформлении документов, что хочет поставить крест, и кто-то что-то кому-то передал, и священник пришёл сам. Пожилой, с короткой серой бородой, в тёмном пальто поверх рясы. Он провёл короткий обряд, Уильям не понял ни слова, потом замолчал и остался стоять. Не уходил. Уильям был ему за это признателен.

Он помолчал ещё немного, глядя на крест, а потом заговорил. Не потому что думал, скорее потому что нужно было что-то сделать со словами, которые стояли внутри с той ночи и никуда не шли.

— Мне очень жаль, сказал он по-английски, тихо, почти без голоса. — Это не должно было так кончиться. Ты заслуживала лучшего места. Ты заслуживала, просто лучшего.

Он остановился.

— Я присмотрю за ним. Этого, наверное, было достаточно. Больше слов не приходило, не потому что их не было, а потому что они все упирались в одно и то же: она не слышит, крест пустой, и слова никуда не доходят. Уильям знал это и говорил всё равно, потому что не знал, что ещё делать.

Священник что-то негромко произнёс. Уильям не обернулся.

— Спасибо, сказал он по-русски. Одно слово из тех немногих, что уже сидели в голове. — Спасибо.

Священник кивнул, Уильям это почувствовал, не видя его. Потом услышал, как тот идёт прочь по подмёрзшей траве, шаги негромкие, осторожные, как у человека, который понимает, что уходить надо тихо.

Уильям ещё немного постоял у креста, имя было вырезано криво. Первая буква слишком глубокая, последняя едва видна. Когда-нибудь дерево начнёт гнить, и имя уйдёт раньше самого

дерева, так всегда с мелкими порезами, он знал это и понимал, когда работал с деревом. Он подумал, что надо будет сделать что-то постоянное, позже, когда встанет на ноги. Из камня, может быть, или просто новый крест, нормальный.

Малой пошевелился и потянул рукой куда-то внутрь одеяла и затих снова. Уильям развернулся и пошёл. Поле впереди было плоское, серое, тянулось до горизонта без каких-либо опознавательных знаков. Небо над ним было такого же цвета. Где-то там, за полем, был участок который им выделили, четыре гектара промёрзшей земли, голые столбы будущего забора и фундамент, залитый ещё при советах, растрескавшийся по одному углу. Уильям видел его вчера, стоя в ноябрьской грязи, пока чиновник объяснял что-то, показывая рукой на горизонт.

Он не оглянулся на крест, не потому что не хотел. Просто знал, что если обернётся, то встанет, и стоять будет долго, и в этом не будет смысла, а только трата того, чего у него было в обрез. Времени, тепла в руках. Всего.

Трава хрустела под ботинками. Малой дышал у него на груди, тихо и ровно, не зная ничего об этом поле, этом кресте, этом новом для них небе.

Уильям шёл.

* * *

Прошло три года, или четыре. Уильям давно перестал считать по годам, он считал по зимам, а они здесь все были одинаковыми: белыми, плоскими, злыми. Первая зима, провалившаяся крыша над дальним углом сарая, он заделывал её один, в двадцатиградусный мороз, покуда малой спал в доме, завернутый в три одеяла. Вторая зима, и первая корова, купленная у Степаныча за половину того, что оставалось от подъёмных, не особо плотная, с слегка выпирающими рёбрами, смотревшая на Уильяма с таким спокойным равнодушием, будто заранее знала, что он её не бросит. Третья зима, первый урожай картошки в подвале, восемь мешков, накопанных с шестилетним мальчишкой, который работал молча и деловито, как маленький механизм, потому что иначе не умел. Брёвна, мозоли, замёрзший цемент, который не хотел схватываться, пока не догадался развести маленький костёр прямо над фундаментом. Учился всему здесь, в этой земле, на ощупь.

Ферма получилась некрасивой и крепкой. Именно в таком порядке.

— Иди сюда, сказал Уильям по-русски.

Малой подошёл, семь лет, в резиновых тёплых сапогах на два размера больше, и в шапке, натянутой до бровей. Уильям взял его за плечо и поставил рядом с собой у открытого стойла. Корова Марта жевала что-то своё и не обращала на них внимания. Уильям взял вилы и показал: зачерпнуть, поднять, вынести в тачку. Не объяснял а просто делал, медленно, так чтобы видно было каждое движение. Потом протянул черенок.

Малой взял. Вилы были ему велики, пришлось перехватить выше, неловко. Уильям не поправлял руки, смотрел, как тот примеривается, находит баланс, делает первый неуверенный зачерп. Навоз лёг мимо тачки, половина на землю. Малой посмотрел на отца. Уильям ждал.

Малой подобрал то, что упало, попробовал снова, на этот раз лучше. Они работали молча до середины дня и малой ни разу не пожаловался. Уильям никогда не хвалил за это, не потому что не хотел, а потому что не знал как, и потому что думал, что само молчание, этого уже достаточно в некоторых моментах. Что молчать рядом с кем-то, пока тот работает, это и есть разговор, только без лишних слов.

Зима пришла и не спешила уходить. Уильям растопил печь раньше обычного и долго сидел за столом, пока малой спал. За окном мела какая-то невидимая работа, снег горизонтально и без остановки. В такую погоду не было смысла выходить просто так, и именно в такую погоду Уильям делал то, что откладывал. Он достал из-под кровати старый армейский нож в кожаных ножнах, широкий, и тяжёлый, с рукояткой из текстолита. Положил на стол.

Малой проснулся от стука, нож лёг с тяжёлым звуком, и сел на постели глядя исподлобья.
— Иди сюда, сказал Уильям.

Мальчик подошёл, сел напротив, посмотрел на нож, потом на отца.

Уильям взял нож медленно, без резкости, и положил в ладонь, рукояткой вперёд.

— Не для убийства, сказал он по-русски, осторожно подбирая слова с акцентом, который за четыре года стал чуть мягче, но всё равно оставался чужеродным, как сучок в гладкой доске.
— Для работы. Для себя.

Малой взял нож. Рукоятка была ему явно велика, пальцы легли неудобно.

Уильям показал хват. Большой палец вдоль, не поперёк, запястье не напрягать.

— Повтори.

Малой повторил.

— Ещё раз.

Они сидели, отец и сын, нож на столе между упражнениями, снег за окном, печь гудит, пока руки у мальчика не перестали дрожать от непривычного усилия. Уильям убрал нож только тогда. Он не сказал: это для того, чтобы ты мог защититься. Он не сказал: этому меня учил мой отец. Он просто убрал нож, встал и поставил воду на плиту. Малой смотрел на свои руки ещё несколько секунд, потом тоже встал.

Степаныч появился в конце той же зимы, шёл через поле в старом тулупе, с бутылкой под мышкой, будто давно уже собирался и наконец решился. Уильям открыл дверь раньше, чем тот постучал: услышал по скрипу ворот.

— Харад, сказал Степаныч. Он всегда называл его только по фамилии, произнося её с ударением на первый слог, что было неправильно, но Уильям давно перестал поправлять. — Принёс вот.

Он протянул бутылку, самогон, без этикетки, с янтарным цветом, будто солнце.

— Сам гнал, добавил Степаныч. — Хороший.

Уильям взял бутылку. Подержал в руке.

— Заходи.

Степаныч зашёл, снял тулуп, огляделся. Малой сидел у печи с книгой, смотрел на гостя спокойно, и без испуга.

— Большой уже, сказал Степаныч, кивнув на него.

— Растёт, сказал Уильям.

Они сели за стол. Уильям нашёл два стакана, один с отколотым краем и налил. Степаныч говорил: о зиме, о ценах на солярку, о том, что у Никанорова сдохла лошадь и он теперь ищет трактор. Уильям слушал, кивал, отвечал редко. «Да». «Понятно». «Трудно».

Степаныч не обижался, он, кажется, и не ждал большего.

Когда уходил, уже в сумерках, остановился в дверях.

— Ты, Харад, мужик правильный, сказал он. — Только молчишь много.

Уильям подумал немного над его словами.

— Да, ответил он.

Степаныч усмехнулся и ушёл в темноту, скрипя снегом. Уильям закрыл дверь, бутылка на столе была ещё почти полная. Малой давно спал. Он налил ещё немного, сел, поставил стакан перед собой и не пил, просто смотрел. За окном не было ничего, кроме темноты и снега, и где-то там, за километрами поля, за этой землёй, которую он начинал чувствовать своей, был пустой деревянный крест с именем, вырезанным криво. Он здесь останется, теперь он знал это точно.

Всё остальное, потом.

* * *

Банки Уильям вешал на забор с вечера, три штуки на гвоздях, на разной высоте. Из-под ног сына утром поднялась пороша.

— Стреляй.

Малой поднял пневматику. Она была ему немного длинна, приходилось чуть поворачивать корпус, чтобы приклад лёг в плечо. Уильям не помогал, просто смотрел.

Выстрел и мимо. Второй тоже мимо, пуля ушла низко, в доску забора. Малой опустил ствол. Уильям подошёл к забору, снял дальнюю банку и повесил её на гвоздь ближе, примерно на четыре шага. Вернулся. Встал сбоку, скрестил руки.

— Стреляй.

Малой выстрелил. Банка качнулась, но не упала, пуля задела край.

— Ещё.

Банка упала на четвёртый раз. Уильям поднял её, повесил обратно. Отошёл.

— Ещё.

Они стояли во дворе до тех пор, пока банка не начала падать со второго выстрела. Потом с первого. Мороз стягивал кожу на лице. Малой не жаловался, а только шмыгал носом и сжимал рукоятку. Когда зарядил в четырнадцатый или пятнадцатый раз, пальцы у него уже плохо гнулись.

Уильям взял у него пневматику.

— Хватит.

Он не сказал: молодец. Он не сказал: лучше, просто убрал ружьё под мышку и пошёл к дому.

Малой постоял секунду, потом пошёл следом.

Будили его в пять. Уильям просто открывал дверь его комнаты и говорил:

— Вставай. Оденься в одну рубаху. Выйди на двор.

Первый раз малой вышел и сразу же замер на крыльце, январь, минус двадцать три, небо синее и жёсткое, над полем стоял плотный туман от снега, Уильям стоял внизу уже одетый.

— Дойди до сарая и обратно.

Малой спустился, снег был по щиколотку, рубашка сразу прилипла к телу. Он дошёл до сарая, вернулся. Зубы у него стучали.

— Теперь одевайся.

Уильям не объяснял зачем. Это было не упражнение для закалки в том смысле, в котором говорят о закалке. Это было другое. Он сам не мог бы назвать это точным словом, что-то вроде: узнай, что такое холод, пока ещё можешь вернуться в тепло. Чтобы потом, когда нельзя будет вернуться, ты уже знал.

Малой ни разу не заплакал, на третью неделю перестал даже морщиться.

С ножом Уильям занимался иначе, без спешки, без молчания. Он садился напротив и показывал: вот захват запястья, вот как выворачивается рука, вот куда уходить, если держат сзади. Медленно, потом ещё раз, быстрее. Потом требовал повторить.

— Не так. Смотри на руку, а не на нож.

Малой смотрел не туда, это было нормально, все смотрели не туда. Уильям поправлял его без раздражения, с той же интонацией, с которой объяснял, как чинить петли на воротах или как правильно держать кроликов при забое.

— Нож это инструмент, сказал он однажды. — Не оружие. Оружие, это голова.

Малой подумал и кивнул серьёзно, как будто записал.

— Повтори захват.

Они работали так час, иногда больше. Уильям не хвалил и не ругал, только указывал. Рука не туда, корпус слишком прямой. Хорошо, ещё раз. Когда малой начал делать захват

быстро и без раздумий, Уильям молча убрал нож и сменил упражнение. Это и было его способом сказать «достаточно».

В марте малому шёл уже девятый год. В тот вечер они пригнали корову с дальнего выгона, долго, в слякоть, ноги промокли у обоих насквозь. Потом ужин, потом Уильям возился с инструментом в сених. Когда вернулся на кухню, малой сидел за столом над тарелкой с недоеденной кашей, лицом в руки, руки на столе, голова набок.

Уснул, Уильям остановился в дверях. Посмотрел. Лицо у сына во сне было не таким, каким оно бывало днём, не сосредоточенным, не упрямым, просто детское. Щека вдавилась в сгиб локтя, а каша на столе уже остыла. Он прошёл к вешалке, снял свою рабочую куртку, тяжёлую, и набросил на плечи сына. Что-то в груди сдвинулось, и он не стал это трогать. В окне за тёмным стеклом стояло поле, и над полем небо, и в небе была какая-то звезда, одна, яркая, какая всегда бывает в марте перед оттепелью. Уильям не знал её названия. Он вообще мало знал звёзды. Это его никогда не беспокоило.

Он погасил свет над плитой, оставил одну лампу над столом, чтобы малой когда проснётся, не испугался темноты. Потом вышел в сени, закрыл дверь тихо, и долго сидел на пороге, кура в кулак, глядя в ту сторону, куда уходила дорога.

* * *

Радио принесли соседи, Геннадий Алексеевич с хутора через дорогу, когда узнал, что приёмника в доме нет. Старый ящик с коричневым шкалой и давно продавленной ручкой громкости стоял на краю перилл с весны, потому что в доме ему было некуда. Уильям так и не нашёл ему места. Но иногда по вечерам выносил на веранду и включал просто чтобы было. В тот вечер Харад сидел на ступеньках. Ноги вытянуты, спина упирается в перильный столбик, куртка застёгнута до горла. Пятнадцать лет, это было слышно в том, как он сидел: не по-детски горбясь, но ещё без взрослой осанки, где-то посередине, в промежутке, который не длится долго.

Уильям его не звал, просто включил. Диктор говорил по-русски ровно, и без интонации, каким говорят люди, когда слова слишком большие, чтобы их окрашивать. Уильям разбирал примерно через слово: что-то про Москву, про договор, про «беспрецедентное соглашение трёх держав». Русский он так до конца и не выучил, понимал достаточно, чтобы жить, не достаточно, чтобы думать. Но сын сидел не шевелясь, и это было само по себе знаком.

— Триумвират, произнёс диктор отдельно, почти торжественно. И снова: программа освоения, межзвёздные ресурсы, «единый космический флот».

Харад не повернулся, только плечи стали чуть ровнее. Радио захрипело, поймало помеху, потом снова выровнялось. Диктор объяснял что-то про координационный комитет. Уильям не слушал уже а смотрел на сына. Небо над степью к вечеру очищалось всегда, точно день уходил и уносил с собой всё лишнее. Сентябрь держался последними тёплыми вечерами, но в темноте уже было что-то острое, зимнее. Звёзды сыпались низко, ближе, чем в городе, такие бывают только над открытым полем, когда горизонт далеко и ничто не отбирает неба.

Харад поднял голову. Уильям это увидел, не движение а что-то в том, как изменилось лицо. Глаза чуть расширились. Не от удивления, у него было другое выражение когда он удивлялся. Это было что-то другое, как будто он что-то узнал, хотя не знал раньше. Уильям вышел. Прикрыл за собой дверь, она скрипела на морозе, но сейчас не скрипнула. Взял кружку с подоконника, где оставил, чай давно остыл.

Сын не обернулся. Уильям встал у перил, отхлебнул холодный чай и смотрел туда же в небо. Он никогда особо не понимал звёзды. Они были красивые, он это признавал, но не чувствовал в них ничего, кроме холода и расстояния. Может, для этого нужно было родиться

здесь, в этих местах и под этим небом, а не в Небраске, где ночью светились огни шоссе и о звёздах особо не думали.

Харад молчал. Радио хрипело что-то про экономический комитет. Это уже было неинтересно, это уже была другая новость. Уильям допил чай и поставил кружку. Можно было зайти в дом, не зашёл, стоял и ждал что произойдёт. Он уже понимал, не умом, а тем местом в груди, которое научилось угадывать раньше слов, что сейчас произойдёт. Или не сейчас, но скоро. Этот вечер был не первый раз, когда сын смотрел вверх вот так. Но что-то изменилось, радио и слова диктора, «единый флот», «межзвёздные», что-то щёлкнуло и встало на место. Уильям это чувствовал так же ясно, как чувствуют запах дождя за час до дождя.

Помолчали, потом сын сказал тихо, не оборачиваясь, взгляд всё ещё там, наверху:

— Пап, я хочу туда. Он не уточнил куда, не показал рукой, этого не нужно было. Уильям смотрел на звёзды ещё немного, дольше, чем обычно смотрел на что-то, что не требовало внимания. Потом перевёл взгляд на затылок сына. На плечи в куртке. На руки, сложенные на коленях, уже не детские, уже с мозолями от работы, с тёмными ногтями, которые не отчищались до конца. Он ничего не ответил, не сразу.

Радио зашипело и умолкло, кончилось, выровнялось в несущий тон. Где-то в поле, в темноте, крикнула птица один раз, коротко. Лошадь в деннике переступила ногами. Привычные звуки фермы, которые всегда есть, когда молчишь.

Уильям взял кружку пустую, и повертел её в руках.

— Иди спать, сказал он наконец. — Завтра рано.

Харад медленно опустил голову, встал. Потянулся молодого, хрустнув позвонками и ушёл в дом. Дверь закрылась без скрипа.

Уильям остался, а звёзды никуда не делись. Он смотрел на них теперь один, долго, неудобно, как не смотрел никогда, и пытался понять, что именно он не понимает. Расстояние, холод, свет которому миллионы лет. Сын, который смотрит на это и видит своё место. Линн бы поняла, подумал он. Она всегда умела это, видеть вперёд, и видеть в людях то, чего они сами ещё не видели. Особенно в нём, особенно в последнее время, перед тем как.

Он не стал додумывать. Просто постоял ещё немного, пока не замёрзли руки, потом выключил радио и унёс его в дом.

* * *

Радио давно не несло несущий тон, Уильям его выключил, унёс в дом. Но тишина, которая осталась после, была не пустая. В ней всё ещё стояло то, что сказал сын. Три слова, четыре, он не считал, и они теперь занимали место воздуха. Харад не ушёл. Уильям думал, что ушёл, слышал как закрылась дверь, но потом дверь снова открылась, тихо, без скрипа, и сын просто сел рядом, не говорил, не смотрел на отца. Смотрел туда же, куда и раньше, вверх на звёзды, которые никуда не делись. Уильям сидел и ничего не говорил.

Молчание было не неловкое. Оно было тяжёлое как что-то, что держишь двумя руками, и нельзя положить, пока не найдёшь куда. Он смотрел не в звёзды. Он смотрел на перила веранды туда, где краска облупилась ещё в прошлом году, и он всё собирался перекрасить, и не собрался, и теперь снова зима на носу и снова не перекрасит. Мелкое, бессмысленное. Иногда нужно смотреть на что-то мелкое, чтобы не думать и думать.

Линн была бы здесь, и она бы не молчала. Она что-нибудь да сказала, не правильное, не умное, просто что-нибудь своё, что умела только она, и после этого что-нибудь становилось яснее. Он помнил её лицо не так, как помнят по фотографии, а как помнят запах: приблизительно, не полностью, и именно от этой неполноты сильнее. Она была в горящем квартале с ним, нет, нет, не так, она была позади него, он тащил малого, а она должна была идти следом, а потом оглянулся и её не было. Не было, только дым и оранжевое.

Пустая могила на новом месте, в новой стране. Он сам сколотил крест из доски и поставил косо, потому что руки дрожали. До сих пор не выровнял. До сих пор ездит туда раз в год, в начале мая, и стоит, и не знает что говорить, потому что тела нет и земля пустая, и это похоже на разговор с комнатой. Она всё равно слышит, сказал ему однажды отец Михаил из соседнего села, земля или нет, неважно. Уильям не спорил, просто делал, потому что делал.

Он привёз сюда сына. Вот зачем он сюда ехал, чтобы сын выжил, чтобы был снег и не было банд, чтобы ночью можно было спать. Чтобы были коровы и лошади, и мозоли, и мороз, и твёрдая земля под ногами, и русский язык, который прилипает медленно, но прилипает. Не чтобы сын остался здесь навсегда. Он никогда об этом не думал именно так, «навсегда», но сейчас понял, что думал именно так, и что это было неправильно.

Ферма была не мечта. Линн тоже хотела большего, она из Коннектикута, из семьи, где книги стояли в три ряда и за ужином говорили о чём-то важном. Она пошла за ним в Небраску, потому что любила его и думала, что он когда-нибудь куда-нибудь двинется. А он не двинулся, нашёл работу и остался. Удобно и дёшево, своё. Сначала ждал чего-то, потом перестал ждать и назвал это взрослостью. Сейчас он не был уверен, как это называется.

Он когда-то, давно до Линн, до всего, хотел в армию. Не из патриотизма, не потому что страна, просто хотел куда-нибудь, хотел знать, что есть что-то больше Небраски, больше поля и шоссе. Потом встретил Линн, потом родился малой, потом жизнь стала конкретной, и конкретное занимает всё место. Армия осталась как что-то, о чём не думают.

А сын смотрит на звёзды и видит своё место. Уильям не знал, есть ли там что-то там, наверху, в той черноте. Диктор говорил про флот, про системы, про Марс, слова большие и гладкие, как камни в реке. Он не понимал этого. Но сын понимал или не понимал, но чувствовал, что туда надо, а это, может, важнее понимания.

Он не мог запретить, не потому что боялся спорить. Потому что если бы запретил, это было бы то же самое, что сделал с собой сам. И тогда всё, что он строил здесь, мозоли и дисциплина, стрельба в мороз, ножевой бой в снегу, и подъём до рассвета, всё это было бы не про сына, а про него самого, про что-то, что ему нужно было иметь рядом, чтобы не думать о пустой могиле и о том, что он не оглянулся раньше.

Харад молчал рядом, дышал ровно и не торопил. Уильям взял кружку, давно пустую, и холодную, поставил её на перила, рядом с местом, где облупилась краска. Посмотрел на неё секунду, потом поднял взгляд не на звёзды, просто вперёд, в темноту за двором, туда, где угадывался силуэт сарая.

— Ладно, сказал он. По-русски и без акцента, уже без акцента, давно, хотя он не заметил, когда именно. Одно слово, а больше и не нужно было. Харад не сказал ничего. Но Уильям боковым зрением видел, как у сына чуть изменились плечи, не расслабились, нет, просто стали другими, как бывает, когда что-то решено и теперь можно нести это иначе.

Уильям взял кружку обратно в руки. За двором в темноте, конь переступил в деннике. Привычный звук, ферма не спала по-настоящему никогда.

* * *

Машина пришла до рассвета. Уильям не спал не потому что не мог, а потому что не хотел; последний час перед рассветом он сидел на кухне и пил чай, уже холодный, и смотрел в окно, за которым темнота постепенно теряла плотность. Не думал ни о чём конкретном. Просто сидел.

Когда фары мазнули по стеклу, поднялся. Харад уже был готов, стоял у ворот с вещмешком у ног, небольшим и плотно набитым, без лишних вещей. Так, как Уильям учил: что не можешь нести сам, не бери. Куртка застёгнута до горла. Нож на поясе, не его нож, а отцовский, с костяной рукоятью, которую Уильям перематывал кожей трижды за эти годы.

Уильям вышел на крыльцо, спустился по ступеням. Утренний мороз лёг на лицо сразу, без предупреждения. Снег под сапогами не скрипел, слежавшийся, плотный, февральский снег, который уже не скрипит, а только давится. Он остановился напротив сына и посмотрел на него. Медленно, с головы до ног как смотрят на работу, которую делали долго и теперь надо решить, хорошо ли вышло. Сапоги зашнурованы правильно. Куртка по размеру, год назад была велика, теперь в плечах уже впрыток. Вещмешок притянут так, чтоб не болтался. Нож на том же месте, где всегда, на правом бедре, чуть вперёд.

Хорошо. Харад не шевелился под этим взглядом. Не переминался с ноги на ногу, и не отводил глаза. Стоял прямо и смотрел на отца. Не вызывающе, просто ровно, как человек которому нечего прятать. Машина стояла на дороге, за воротами, с работающим двигателем. Водитель не вышел, ждал.

Уильям сделал шаг вперёд и обнял сына, коротко, жёстко, одной рукой за шею и другой по спине, притянул к себе на секунду и отпустил. Харад не успел даже ответить на объятие или ответил, Уильям не понял. Он сказал тихо, почти в ухо сыну, по-английски. Первый раз за годы по-английски, потому что так получилось, потому что эти слова жили в нём на том языке, на котором он их когда-то думал:

— Don't die before me. "Не умирай раньше меня".

Харад молчал секунду. Потом сказал по-русски, без акцента, как всегда:

— Хорошо.

Одно слово, Уильям отступил на шаг. Сын поднял вещмешок, перекинул через плечо одним привычным движением, толкнул калитку и пошёл к машине. Не оглянулся не потому что не хотел, Уильям это чувствовал, а потому что незачем. Всё уже было сказано, всё, что могло быть.

Дверь машины хлопнула. Уильям остался у ворот и смотрел, как машина трогается и уходит по просёлку. Колея была одна, наезженная, между двух снежных валов, и машина шла по ней ровно, без спешки. За холмом сначала исчезли фары, потом силуэт, потом звук двигателя растворился в той тишине, которая бывает только в феврале, только до рассвета, когда мир ещё не решил, будет ли день.

Он постоял немного, потом развернулся и пошёл к стойлу, не через крыльцо, сразу в обход коротким путём. Рыжий уже возился в деннике, слышно было, как он трётся боком о доски. Пора давать овёс. У крыльца, проходя мимо, Уильям поднял взгляд. На перилах стояла кружка. Та, что он забыл вчера ночью, оставил и не занёс. Пустая, с подтёком от старого чая по боку. Рядом с местом, где облупилась краска. Он не стал её брать.

Небо над фермой было то серое, то голубоватое, цвет, у которого нет имени, предрасветный цвет. Звёзды ещё держались на западе, бледные, почти прозрачные, как пятна от пальцев на стекле, но держались.

Уильям посмотрел на них недолго, потом открыл стойло и вошёл внутрь, к запаху сена и тёплому дыханию коней, и привычному полумраку, который ждал его здесь каждое утро и не спрашивал ни о чём.

Скот не ждёт.

Глава 3. Суворовское Космическое Училище

Шаттл опустился на площадку раньше, чем Харад успел подготовиться к тому, что увидит. Не к посадке, к виду. Переходный шлюз разгерметизировался с тихим шипением, двери разошлись, и Харад вышел вслед за двумя десятками других курсантов на открытую площадку, накрытую куполом. Купол был прозрачный и не такой как стекло в доме, а толще, с лёгким голубоватым отливом по краям, и сквозь него было видно.

Не звёзды, конструкции. Орбитальный сегмент Училища висел над планетой, или рядом с ним, или под ним, Харад не сразу понял ориентацию, и в куполе если запрокинуть голову, были видны стыковочные фермы: металлические перекладки толщиной с сельский амбар, кабели, переходные коридоры, и ещё один модуль дальше, и ещё. Всё это медленно и беззвучно разворачивалось по мере того, как станция шла по орбите. Далеко за фермами мерцало что-то, то ли другой модуль, может стыкующийся корабль; огни были маленькими и почти неотличимыми от звёзд. Но это были не звёзды. Звёзды он знал с детства, те что висели над фермой и смотрели в обе стороны. Это было другое, здесь всё было сделано руками.

Харад опустил голову и встал в строй, на посадочной площадке уже ждал инструктор. Высокий, в форме без знаков различия, стоял у края разметки и смотрел на подходящих курсантов так, как смотрят на материал, которому ещё только предстоит стать чем-нибудь полезным. Рядом с ним двое ассистентов с планшетами распределяли прибывших по группам, и Харад заметил, раньше, чем успел об этом подумать: не перемешивали. Разводили.

Три колонны. Русские: справа. Китайцы: в центре. Американцы: слева.

Харад встал справа. Планшет ассистента это подтвердил, русский паспорт, значит русская колонна, и он занял место, поставив вещмешок у ноги и смотря вперёд. Инструктор дал колоннам устояться, потом медленно прошёл перед ними, развернулся.

— Вы будете учиться вместе, сказал он, и голос у него был ровный, без интонации, как команда в протоколе. — Но вы не одно. Запомните разницу.

Никто не ответил, Харад не ответил тоже. За его спиной чуть правее, через одного, двое переговаривались вполголоса. Он не оборачивался, просто слушал, потому что так получилось, что слух у него был хороший, а слова были произнесены недостаточно тихо для людей, которые думали, что их не слышат.

— Посмотри на этого, третий справа.

— Харад?

— Фамилия русская, а рожа нет. Говорят, из Штатов приехал, маленький был.

— Так с паспортом же.

— Ну да, с паспортом.

Харад стоял прямо, запомнил голоса, один чуть выше, второй с хрипотцой, оба молодые. Это был просто факт; что с ним делать он пока не знал. Может, ничего, или потом.

Инструктор продолжал говорить о распорядке, структуре, о том что допусков к ошибкам в протоколе не существует. Подъём в пять утра. Физподготовка в переменной гравитации, потому что тело должно уметь работать при любых условиях. Учебные симуляторы. Теория. Теория снова. Практика только тогда, когда теория пройдена. Ошибка в симуляторе, это разбор ошибки а не наказание. Ошибка в реальных условиях, это смерть, и за это наказания тоже не будет, потому что некого наказывать.

Харад слушал и думал о том, что отец объяснял ему похожие вещи другими словами. Скот не ждёт. Мороз не ждёт. Не сделал, значит не сделал, и кому хуже от этого, решать не тебе.

Казарма оказалась внутри основного модуля, длинный коридор с двурядными койками по обеим сторонам, металлические тумбочки, люминесцентный свет без теней. Пахло новым пластиком и озоном от вентиляции. Ни сеном, ни снегом и ни чем-нибудь живым. Харад нашёл

своё место по номеру, поставил вещмешок. Сосед по нижней койке уже устраивался, раскладывал что-то на своей тумбочке, не смотрел. Харад расстегнул мешок, достал по очереди: форма, запасные носки, зубная щётка, учебник по навигации, ещё учебник. На самом дне, нож. Он положил его в тумбочку. не на виду, внутрь, на дно и закрыл дверцу.

Сосед посмотрел, недолго, от угла глаза. Потом отвернулся и продолжил своё.

Харад поправил лямку пустого вещмешка, сложил его и убрал под матрас. Сверху, за иллюминатором, маленьким и круглым, толстым как линза, медленно проходила одна из ферм. Металл был закопчён у стыков; к боковой балке кто-то прикрепил трос, и он тянулся вниз, в темноту, никуда.

Харад смотрел на него, пока ферма не ушла из вида. Потом лёг на спину поверх одеяла, закрыл глаза и стал ждать подъёма.

* * *

Пониженная гравитация в тренировочном отсеке ощущалась как лёгкое опьянение, не дурнота, и не эйфория, а нечто среднее, как будто тело чуть запаздывало за решением. Харад приспособливался на ходу: укорачивал шаг, не отталкивался носком слишком резко, держал колени мягкими. Инструктор что-то говорил о распределении центра масс, но голос уплывал под гул вентиляции, и Харад думал лучше через руки и ноги, чем через слух.

Именно тогда он увидел того курсанта. Огромный и не просто высокий, а широкий во всём, как если бы природа строила его для другого масштаба. Такие люди в нормальной гравитации ходят с запасом, немного вразвалку, потому что им есть куда деться. Здесь, при четырёх десятых, он двигался иначе. Тихо, плавно. С такой точностью в каждом шаге, будто гравитацию убавили специально под него, и он наконец попал в своё. Медведь, нашедший лёд.

Харад смотрел секунды три, не больше, запомнил и вернулся к своему. За завтраком случилось то, что, наверное, должно было случиться рано или поздно. Харад пришёл в столовую с несколькими курсантами из своего кубрика, без разговора, просто шли в одну сторону, и увидел что длинный стол у окна, который русский взвод занимал со вчерашнего дня по молчаливому праву первых, теперь занят китайскими курсантами. Все двенадцать мест, сидели плотно, и без зазоров.

Это был не голод и не нужда, столов хватало. Это был жест. Кто-то позади Харада остановился, кто-то произнёс что-то вполголоса, не слова, а звук недовольства. Напряжение возникло в воздухе раньше, чем сформулировалось в мысль.

Тогда тот самый курсант, огромный сибиряк, прошёл мимо всех, взял поднос и прошёл к столу, сев на свободный угол. Молча, поставил поднос, придвинул стул. Начал есть.

Никто из китайских курсантов ничего не сказал. Они посмотрели и не сказали ни слова. Харад взял поднос и сел рядом. Некоторое время они ели молча. Это было нормально.

Потом сибиряк сказал, не поднимая взгляда от каши:

— Гречка.

— Что?

— Нормальная гречка. Не думал, что тут будет.

Харад посмотрел в свою тарелку. Гречка была, в самом деле, нормальной и не переваренная, с маслом.

— Алексей, сказал сибиряк. — Деревня под Красноярском. Там её выращивают, гречку. Промышленно.

— Харад. Он подумал секунду. — Ферма под Рязанью.

Алексей кивнул. Больше они в то утро не разговаривали, но что-то устаканилось, как после того, как правильно укладываешь инструмент: не торжественно, просто на своё место. Прозвище возникло в тот же день, после обеда. Кто-то из русских, один из тех, что держались вместе по принципу общей фамилии раздевалки, бросил в сторону Алексея, когда тот проходил по коридору:

— Потапыч идёт.

Несколько человек засмеялись, не зло, скорее как смеются над удачно найденным словом. Алексей не остановился, не обернулся, просто продолжал идти своим медвежьим шагом, будто не слышал или счёл услышанное несущественным. Харад не засмеялся. Он посмотрел вслед и подумал, что прозвище точное и не обидное, а именно точное, как отметка на карте. Некоторые прозвища так работают.

Вечером, когда большинство курсантов уже разбрелись по кубрикам или гудели в холле над учебниками, Харад вернулся в невесомостный отсек один, хотел ещё раз отработать крепление страховочного карабина на тренировочной стойке. Инструктор объяснял утром, но объяснял быстро, и Харад несколько раз сделал не так, карабин защёлкивался с нужным звуком, но ворочался, и это было неправильно.

Алексей, точнее - Потапыч, был уже там, сидел у дальней стойки и возился со своим снаряжением.

Харад взял карабин и начал, получалось примерно то же самое: защёлк правильный, но люфт оставался.

— Руку переверни, сказал Потапыч, не глядя.

— Что?

— Руку. Ты подводишь ладонью вниз, надо ладонью вверх, иначе муфта не доходит до упора.

Харад попробовал, защёлк. Никакого люфта.

Он подержал карабин, проверил пальцем и повторил три раза подряд, уже чтобы запомнило тело, а не только голова.

— Спасибо.

— Там инструктор говорил слишком быстро, сказал Потапыч и пожал плечом, одним, как будто другому было лень. — Я со второго раза понял, не с первого.

Харад сел рядом на скамью и начал разбирать страховочный трос, просто чтобы иметь что делать руками. Отсек был тихий: вентиляция, далёкий гул корпуса, больше ничего. Он думал о том, что отец, наверное, уже заканчивал вечернюю дойку. Что в хлеву сейчас пахнет соломой и навозом, и это хороший запах, не красивый, а настоящий.

Потапыч собрал своё снаряжение, встал. Уходя, остановился в дверях на секунду, не оборачиваясь.

— Завтра в пять, сказал он.

— Да, ответил Харад.

Потапыч ушёл. Харад остался ещё на несколько минут, отрабатывая карабин в тишине, пока руки не перестали думать об этом.

* * *

Тренировочный модуль называли «бочкой» за форму и за то, что внутри при отключённой гравитации всё крутилось, как в настоящей.

Харад вошёл в отсек первым из своего отряда и сразу взял за правило: не держаться за поручни без нужды, двигаться небольшими толчками от переборок, не смотреть вниз в поисках пола, которого нет. Три дня назад это давалось с трудом, тело искало землю и не находило, желудок реагировал с задержкой, но реагировал. Сейчас было немного лучше.

Отряд собрался у стартового шлюза: Вэй и Чжу, двое китайцев из одной зоны Альянса, они переговаривались тихо и быстро на родном языке, не переводя, и Майкл Тэйт из американской секции, широкоплечий, с коротко стриженными светлыми волосами и привычкой смотреть мимо собеседника, когда считал его несущественным.

На Харада он смотрел именно так. Задача была простой в формулировке и не простой в исполнении: первым занять условный узел управления в центре модуля. Два других отряда стартовали с боковых шлюзов с задержкой в двадцать секунд. Харад оглядел троих. Вэй и Чжу

ждали, не его команды, а друг друга. Тэйт уже выстраивал траекторию в голове, это было видно по тому, как он держал ноги: чуть согнуты, готов к толчку.

— Тэйт, сказал Харад по-английски, тихо. — Правый коридор. Там кривое освещение, они пойдут туда во вторую очередь, ты удержишь их секунд на пятнадцать.

Тэйт посмотрел прямо, первый раз с начала сбора.

— С чего ты решаешь?

— Ты всё равно туда пойдёшь, сказал Харад. — Там прямой путь к узлу, ты видишь это лучше остальных. Я просто прошу задержаться на пятнадцать секунд у развилки.

Это не было лестью, простая правда, и Тэйт это знал. Американец помолчал, потом пожал плечом, согласие без слов и отвернулся к шлюзу.

Харад повернулся к Вэю и Чжу и указал рукой вперёд, центральная ось модуля, прямо к узлу. Вэй кивнул без вопросов. Чжу посмотрел с секундной паузой, потом тоже кивнул.

Шлюз открылся. В невесомости не было «вперёд» было только «в направлении». Харад оттолкнулся от края шлюза и выровнялся по оси коридора. Справа ушёл Тэйт, быстро и уверенно, как будто хотел доказать, что не нуждался ни в каких инструкциях. Вэй и Чжу двигались рядом, точно и слаженно: они явно отработывали это вместе раньше, у них был свой ритм. Харад держался за ними, не впереди, а чуть сзади и правее, откуда видел обоих. Он не был быстрым в отряде. Он знал это.

Центральный коридор разветвлялся дважды, на втором разветвлении Харад поднял руку, Вэй замедлился, Чжу повторил. Где-то слева были слышны голоса, второй отряд, они уже в модуле. Харад указал прямо: они обойдут снаружи и ударят с другой стороны. Узел управления, металлический цилиндр с мигающей меткой посередине, появился в конце коридора. Харад толкнулся сильнее и пришёл к нему на полсекунды позже Вэя, который уже прикладывал метку.

Система фиксировала захват, второй отряд появился из бокового коридора через несколько секунд и остановился. Третий так и не добрался. Тэйт вернулся через полминуты с каким-то раздражённым выражением на лице, которое при желании можно было прочесть как «ну и ладно».

Харад ничего не сказал. На разборе инструктор, невысокий полковник с хриплым и сильным голосом, привыкшим перекрывать шум, прошёлся по всем трём отрядам. Второй потерял время на координацию. Третий принял неверное решение на развилке. Когда дошло до первого, полковник посмотрел на Харада.

— Курсант. Вы дали американскому курсанту задачу прикрытия. На каком основании?

— Он выбрал бы правый коридор в любом случае, сказал Харад. — Там прямой путь. Я просто добавил цель.

— А если бы он отказался?

— Он бы пошёл туда и без моего разрешения. Разница только в том, шёл бы он как отвлекающий манёвр или просто сам по себе.

Полковник смотрел на него секунды три. Тэйт смотрел в стену. Вэй и Чжу на Харада, осторожно, как смотрят на что-то, что ещё не решили как классифицировать.

— Интересно, сказал полковник и перешёл к следующему.

Вечером в кубрике Потапыч разбирал страховочный жилет, неторопливо, привычными руками. Харад сидел рядом.

— Я смотрел, сказал Потапыч.

— Знаю.

— Ты их не убеждал, использовал.

Харад молчал, за иллюминатором было черно и пусто. Где-то в корпусе гудели системы вентиляции, низкий равномерный звук, который здесь не замечали так же, как дома не заме-

чают ветер. Он думал об отце, который никогда не уговаривал лошадь идти туда, куда надо. Просто ставил её так, что другого пути не было.

— Да, это так, сказал Харад наконец.

Потапыч ничего не добавил, застегнул последнюю пряжку и убрал жилет под скамью.

Харад не нашёл в этом ничего неправильного. Но долго не мог заснуть.

* * *

Им дали орбитальную станцию, вернее её макет, восьмисекционный цилиндр, подвешенный в центре тренировочного отсека, с шестью стыковочными узлами и одним условным реактором в ядре. Русский взвод, двадцать два курсанта, входили с северного полюса. Американско-китайский, на три человека больше, с южного.

Инструктор объявил задачу за час до начала. Харад потратил сорок минут на разбор схемы и двадцать на расстановку людей.

— Левый фланг, сказал он Громову и Коробейникову, когда построились у шлюза. — Секции три и четыре.

— Там открытый коридор, сказал Громов. — Они нас увидят сразу.

— Знаю.

Громов посмотрел на него. Харад больше ничего не добавил. Невесомость ударила сразу за шлюзом, не медленно а всей своей невесомостью, когда тело вдруг перестаёт понимать, где низ. К этому привыкали по-разному, Харад давно перестал искать пол. Левый фланг пошёл, коридоры секций три и четыре давали длинную прямую видимость, любой кто войдёт оттуда, будет виден издали. Харад рассчитывал именно на это, противник должен был решить, что здесь слабина.

Сам он взял центр и правый фланг, семнадцать человек, плотная группа, почти без разрыва. Потапыч замыкал. По переговорному каналу было тихо, договорились молчать пока не будет команды. Они ждали четыре минуты.

Потом на общем тактическом экране, маленький монитор на запястье, стандартная выдача, стала видна перегруппировка противника. Американско-китайский взвод разделился: большая часть пошла к секциям три и четыре, меньшая осталась держать центральный проход.

Харад дал команду. Правый фланг закрыл выход из секции четыре прежде, чем туда добралась первая группа противника. Центр прошёл прямо к ядру, где находился условный реактор. Громов и Коробейников к тому моменту были уже зажаты, им просто велели держать позицию и не дать противнику развернуться обратно.

Ядро захватили за шесть минут сорок секунд. Громов нашёл его, когда разбирали снаряжение.

— Ты знал, что мы там застрянем, сказал он. Не спросил, просто сказал.

— Да.

— И не сказал.

— Если бы сказал, ты бы шёл иначе. Они бы это увидели. Спокойно ответил Харад.

Громов был невысокий, плотный, из Екатеринбурга. Из тех людей, которые злятся медленно, но качественно.

— Мы учебные потери, сказал он. — Нас двое. Из-за тебя.

— Вы обеспечили победу взвода, сказал Харад. — Мы выиграли.

— Ты нас использовал.

— Да.

Громов смотрел на него. Харад не отводил глаза и не менял тона не потому что хотел давить, а потому что другого ответа не было.

— Скажи, что понял, сказал Громов наконец.

— Ты обеспечил победу взвода, повторил Харад. — Это правда. Я мог тебе это объяснить заранее и, возможно, объясню в следующий раз.

Громов ушёл. Харад не знал, достаточно ли этого. Наверное, нет.

На разборе инструктор майор Сечин, длинный и сухой, как доска которую забыли в сарае, прошёлся по обоим взводам методично, без эмоций. Американско-китайский потерял три минуты на согласование при разделении. Харад слушал и отмечал.

Когда дошло до русского взвода, Сечин остановился посередине фразы и посмотрел на схему.

— Левый фланг, сказал он. — Намеренная жертва.

— Отвлекающий манёвр, сказал Харад.

— Курсанты Громов и Коробейников не знали об этом.

— Нет.

Сечин кивнул не одобрительно и не осуждающе. Просто зафиксировал.

— Тактика нестандартная. Эффективная. Он помолчал.

— Харад, твои люди должны понимать, зачем они умирают. Иначе однажды они просто не пойдут.

Харад смотрел на него.

— Так точно, сказал он.

— Это не замечание для журнала, добавил Сечин. — Это замечание для тебя.

Разбор закончился, и курсанты потянулись к выходу. В казарме работал экран на дальней стене, звук убавлен, субтитры ползли снизу вверх. Харад сидел на скамье и разматывал страховочный трос. Диктор, молодая женщина с правильным московским произношением, говорила о чём-то про бюджет. Потом изображение сменилось: компьютерная графика, девять одинаковых силуэтов на фоне звёздного поля. Субтитры сообщали о начале проектирования межзвёздных транспортных класса «Наследие». Кто-то из угла тихо присвистнул.

Харад посмотрел на экран, девять кораблей, огромных по виду, хотя масштаб был условным, медленно разворачивались в пустоте. Диктор говорила что-то про колонизацию и горизонты.

Он отвернулся и продолжил разматывать трос. Потапыч сидел напротив, он видел, что Харад смотрел. Ничего не сказал.

Харад думал о Сечине — не о словах, а о том, как тот произнёс «иначе они не пойдут». Без повышения тона, без нажима. Просто констатация чего-то, что майор, видимо, видел раньше. Трос лёг ровными петлями на колено. Победа была, это тоже было правдой. Он не знал, как их совместить, и чувствовал, что ответ не придёт быстро.

* * *

Три дня Харад наблюдал. Старший курсант, звали его Эллиот, рослый, ровные зубы и манера говорить так, словно он уже знает твой ответ и лишь вежливо ждёт, пока ты его произнесёшь. Из Бостона, судя по выговору. Третий год обучения, один из шести американцев на курсе, неформальный авторитет внутри их группы.

Схема была простая, не грубая, грубость оставляла следы. Эллиот просто успевал занять лучший симулятор чуть раньше, чем кто-то из русских успевал войти в зал. Чуть раньше не нарушая ничего. В столовой садился на место, которое де-юре ничьим не было, но всем было понятно, что в этой части стола сидит взвод Карпенко третий год подряд. Смотрел мимо, когда надо было бы кивнуть. Иногда что-то говорил по-английски негромко, и его люди смеялись необидно, почти дружески, что было хуже всего.

Мелко, последовательно. Без улик. Потапыч пришёл к нему на второй день вечером, сел рядом на койке и помолчал немного, что у него означало подготовку к разговору.

— Я с ним поговорю, сказал он наконец.

— Нет, ответил Харад.

— Да я просто объясню.

— Ты ему что-нибудь сломаешь, и нас обоих из Училища вышвырнут. Нет.

Потапыч пожал плечами, не согласился, но и спорить не стал. Он умел так: дать понять, что остался при своём мнении, и при этом не давить. Хорошее качество. На третий день Харад видел, как Коробейников, молчаливый парень с Урала, хорошо брал ножевые техники, занял симулятор за пять минут до появления Эллиота и получил в спину тихую реплику по-английски. Не оборачивался, уши покраснели.

Этого было достаточно.

Эллиот имел привычку ходить в технический отсек между ужином и отбоем, один, без аудитории. Харад не знал точно зачем: то ли смотрел на стенды, то ли просто любил там тишину. Не имело значения.

Харад вошёл, когда Эллиот стоял спиной к двери и смотрел на макет двигательного блока за стеклом.

— Эллиот.

Тот повернулся, увидел, что Харад один, и кивнул, почти небрежно.

— Харад.

Харад подошёл ближе, не вплотную, но туда где уже нет пространства для вежливости. Не для угрозы. Просто чтобы было понятно: это разговор, а не передача сообщения.

— Двенадцатое ноября, сказал он. — Симулятор «Кречет-два». Ты подал заявку на расширенный сеанс в пятнадцать-ноль-ноль, не предупредив инструктора о сдвиге, что нарушает параграф четырнадцать внутреннего распорядка. Тринадцатого, место в столовой. Не нарушение устава, но задокументировано как систематическое. Шестнадцатого, реплика в спину курсанту Коробейникову. Устав расценивает это как создание враждебной среды.

Он замолчал.

Эллиот смотрел на него ровно. Ни злобы, ни смущения, только оценка. Думал.

— У тебя есть рапорт, сказал он наконец. Не вопрос.

— Написан. Не подан.

Пауза была короткой.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Потому что рапорт, это шум, сказал Харад. — Разбирательство, комиссия, твои родители звонят в посольство. Мне это не нужно. Тебе тем более.

Эллиот смотрел на макет двигательного блока секунду или делал вид, что смотрит.

— Понятно, сказал он.

— Хорошо.

Харад развернулся и вышел. Разговор занял меньше двух минут. Давление прекратилось. Не сразу, ещё три дня Эллиот вёл себя нейтрально, как будто проверял, насколько сказанное было серьёзно. Потом перестал даже проверять.

Никто из русских курсантов не знал, что именно произошло. Знал только Потапыч, Харад ему не рассказывал, но тот всё равно знал, как всегда знал вещи, которые ему не объясняли. Сидел напротив в казарме, смотрел на Харада с тем выражением, которое у него появилось ещё после учений с Громовым и оставалось с тех пор.

Что-то похожее на уважение. Но с чем-то ещё, что Потапыч, судя по всему, сам не мог до конца сформулировать.

— Ты его напугал, сказал Потапыч вечером.

— Я ему объяснил расклад, сказал Харад.

— Это одно и то же.

Харад не ответил. Среди своих о нём говорили по-разному. Карпенко, тот, кто год назад молча уступал место в столовой, однажды сказал кому-то вполголоса, что Харад просто прикрылся бумажками, потому что не решился сказать в лицо. Харад слышал, не обернулся. Остальные думали иначе, и это было видно по тому, как стали смотреть, не с теплотой, не с

близостью, а с тем осторожным вниманием, с каким смотрят на человека, у которого заведомо есть план.

Харад не знал, хорошо это или нет. Он думал о Сечине, о том, что тот сказал после учений: «твои люди должны понимать, зачем они умирают». Эллиот понял, зачем остановиться. Коробейников не понял, почему давление прекратилось. Может быть, это было неправильно.

Трос лежал ровными петлями на тумбочке. В окне казармы стояло чёрное сибирское небо — ни одного огня, только звёзды, и он смотрел на них, не думая ни о чём конкретном. Потапыч уже спал. Дышал ровно и тяжело, как медведь зимой.

Харад отвернулся от окна и закрыл глаза.

* * *

Финальные учения начались в четыре утра по бортовому времени. Инструктор Сечин объявил режим за двенадцать часов до этого, коротко и без объяснений: три взвода, полная боевая симуляция, открытый космос, все системы реальные кроме оружия. Харад не спал ещё до того, как прозвучал сигнал, лежал на спине и смотрел в потолок казармы, слушая, как Потапыч дышит ровно по соседству.

К восьмому часу учений у него осталось девять человек из двенадцати. Трое были «убиты» в первые два часа, стандартная ловушка второго взвода, которую Харад предвидел и не успел закрыть: американцы отработали двойной охват правого фланга раньше, чем его группа успела зафиксировать позицию. Он зафиксировал это в уме как факт и продолжал работать.

Перегрузки в центрифуге давили на четыре g, учебные но настоящие: сосуды в висках пульсировали, руки казались чужими. Харад держал в голове три вещи одновременно: позиции своих, вектор атаки первого взвода, и то, что у системы ориентации на учебном модуле, смоделированное повреждение гироскопа, которое никуда не делось с третьего часа.

На восьмом часу первый взвод зашёл с тыла. Правильно зашёл, Харад не успел заметить, пока пеленг не сменился на тридцать градусов. Восемь секунд на решение.

Он мог уйти вместе с отрядом, позиция позволяла, вектор отхода был чист. Или держать позицию достаточно долго, чтобы его люди вышли из зоны накрытия, пока первый взвод будет занят им.

— Девятый, ведёшь колонну на вектор два-семь-ноль, сказал он в переговорное устройство. — Без остановок. Я прикрываю выход.

— Командир, если ты там останешься, тебя накроют через четыре минуты.

— Знаю, сказал Харад. — Уходите.

Инструктор Сечин, наблюдавший за симуляцией с командного пульта, что-то написал в планшете.

Харад держал позицию шесть минут. Потом симуляция зафиксировала его «уничтожение».

Его отряд вышел весь.

— — —

Церемония была в большом зале, первый раз за три года Харад видел всех курсантов сразу, стоящих в одну шеренгу: русские, китайцы, американцы вперемешку, без разбивки по языковым группам, как бывало на построениях. Командующий Училищем читал имена в алфавитном порядке. Тут не было деления на нации, была только очерёдность букв.

Когда назвали Харада, он сделал три шага вперёд, остановился, получил погоны лейтенанта из рук полковника Волкова.

Волков смотрел на него секунду дольше, чем на других. Ничего не сказал.

Харад вернулся в шеренгу.

Погоны были тёплыми от рук полковника, это было странная деталь, которая почему-то осталась в памяти.

— — —

После церемонии командующий зачитал распределения.

Харад, разведывательный дальний научный флот, ВКС России.

Потапыч, тяжёлая штурмовая пехота, Сибирский сектор.

Они стояли рядом в коридоре, когда это объявили. Потапыч несколько секунд молчал с тем же выражением, что появилось у него ещё после первых учений и с тех пор никуда не девалось.

— Ну, сказал он наконец.

— Ну, согласился Харад.

Они пожали руки. Рукопожатие вышло короткое и крепкое, такое, какое бывает, когда слов достаточно не надо.

— Смотри там, сказал Потапыч.

— И ты смотри, сказал Харад.

Потапыч кивнул и пошёл в сторону медпункта, у него с утра болело плечо после перегрузок, он просто не говорил об этом.

Харад смотрел ему вслед, пока тот не завернул за угол.

— — —

Иллюминатор в служебном коридоре выходил на ночную сторону Земли. Внизу плыли огни, материки читались по контурам засветки, океаны были чёрными. Харад не мог отсюда разглядеть, где именно Сибирь, но знал примерно: вон там, в той темноте без огней, есть ферма, и на ферме сейчас, скорее всего, отец проверяет скот перед ночью или сидит на крыльце, если не слишком холодно. Он думал об этом без тоски. Просто как о факте.

Потом вспомнил, что сказал Сечин месяц назад, после учений с Грозовым: «Твои люди должны понимать, зачем они умирают». Тогда он решил, что это про коммуникацию. Про то, чтобы объяснять приказы. Сейчас, после восьми часов в симуляции, после шести минут на позиции, пока его отряд уходил, он думал, что понял иначе. Не объяснять. Показывать. Делать так, чтобы каждое решение командира было настолько очевидным, что людям не нужно было спрашивать.

Это было другое. Он ещё не мог сформулировать точно, слова не складывались в правильный порядок. Но ощущение было конкретным, как вес погон на плечах.

— — —

Нож лежал в тумбочке с первого дня в Училище, он никогда не носил его при себе, потому что форма не предусматривала места, и потому что нож был не оружием, а чем-то другим, для чего у него не было слова. Сейчас он достал его, подержал в руках секунду, костяная рукоять что потемнела от времени и от отцовских рук, и гладкая там, где пальцы ложились постоянно.

Убрал во внутренний карман кителя, повернулся. В конце коридора светился транспортный шлюз, там уже грузили личные вещи первых выпускников, голоса звучали приглушённо, чужими языками и своим.

Харад пошёл туда.

Глава 4. Девять Ковчегов Наследия

Крейсер держал позицию на двухстах километрах от стартового коридора, и с такого расстояния первый Ковчег выглядел как черта.

Харад стоял у обзорного экрана на вахтенном посту, правая рука на поручне, левая свободна, наушник в правом ухе. Экран мог дать более сильное увеличение, но он держал его на минимуме, потому что именно так первый Ковчег умещался в поле зрения целиком, едва-едва, с оборванными краями. Тёмная полоса на фоне Солнца, которое сейчас было отодвинуто в угол кадра и выглядело просто как очень яркое пятно. Полоса была неподвижна. Неподвижна и длиннее всего, что Харад видел в жизни.

Он был в разведывательном научном флоте уже восемь месяцев. За это время успел пройти переподготовку на орбитальной станции «Гагарин», и трижды нести вахту на крейсере «Нева», даже однажды поучаствовал в учениях по перехвату, без единого выстрела, зато с часами ожидания в кресле с пристёгнутыми магнитными фиксаторами. Сегодня крейсер выгнали на патрульную дугу по особому распоряжению штаба: присутствовать при старте, держать коридор свободным, не мешать и не светиться.

«Не мешать» Харад посчитал это точным описанием своей должности. В наушнике шли переговоры диспетчеров. Монотонное, деловое, без пафоса, и торжественности какую транслировали сейчас на всех официальных частотах. Там музыка и речи. Здесь позывные и подтверждения.

— Наследие-Один, доклад по системам.

— Наследие-Один, все системы номинальны, к маршу готов.

— Наследие-Два, доклад по системам.

Харад считал машинально. Один, два, три, голоса командиров Ковчегов звучали похоже, ровно, одинаково. Четыре, пять, небольшая пауза после пятого, диспетчер чуть быстрее продолжил. Шесть, семь, восемь.

— Наследие-Девять, доклад по системам.

Тишина. Харад посмотрел на хронометр у левого края экрана. Секунда. Две. Три.

— Наследие-Девять, доклад по системам, повторяю.

— Наследие-Девять, все системы номинальны, к маршу готов.

Три секунды задержки. Харад не двинулся с места. В наушнике больше никто этого не отметил, диспетчеры перешли к протоколу выхода из зоны патрулирования, голоса стали ещё ровнее, ещё деловитее. Технический сбой. Или перегрузка систем управления перед стартом. У корабля в шестьдесят километров длиной, нагруженного до предела, перегрузка систем могла быть чем угодно.

Харад запомнил.

— Говорят, на каждом по полному гвардейскому батальону, сказал офицер связи слева, тоже не отрывая взгляда от своего экрана. — С тяжёлой техникой.

Харад не ответил, он это уже знал. Слышал в офицерской столовой, слышал на инструктаже, видел в сводке в открытой части, которую доводили до всего патрульного состава орбитальных секторов.

Слышал и другое, это было не в открытой части. На каждом из девяти Ковчегов, находились репликанты. Боевые андроиды первого поколения, выпущенные Марсианским производственным комплексом три года назад. Им пообещали гражданство после службы. Полное, действительное гражданство Альянса, с правом на имущество, на проживание, на голос. После службы. Харад не знал, что значит «после» применительно к межзвёздной экспедиции без срока возврата. Никто, кажется и не уточнял.

Первый Ковчег начал движение. Это было почти незаметно, сначала он просто перестал быть полностью неподвижным. Что-то в соотношении с фоном изменилось на один-два пикселя, и только потом Харад осознал, что тёмная полоса медленно, очень медленно ползёт в сторону. Маршевые двигатели на полную мощность, это, вероятно что-то незначительное для такой массы. Как пытаться разогнать континент.

Потом второй, третий и четвёртый почти одновременно.

Харад смотрел, держась за поручень. В наушнике шёл технический трафик, позывные, подтверждения, поправки курса. Где-то на официальных частотах сейчас, наверное, играла музыка и произносились речи о великом шаге человечества, о будущем, о звёздах. Он не переключался туда.

Девять городов. Это была первая мысль, которая пришла, не торжественная и не красивая. Девять городов по шестьдесят километров каждый, с гвардейскими батальонами и тяжёлой техникой, с репликантами, которым пообещали гражданство, с колонистами, учёными и сотни тысяч людей, которые через несколько лет окажутся настолько далеко, что сигнал до них будет идти месяцами. Человечество отправляло девять городов в темноту без права на возврат.

Шестой Ковчег начал движение, седьмой. Потом восьмой чуть медленнее остальных, с небольшим смещением по вектору, которое диспетчер тут же поймал и прокомментировал коротко: поправка принята.

Девятый. Харад следил за ним чуть внимательнее, чем за остальными. Девятый двинулся штатно, никакой задержки в движении, никакого видимого нарушения. Только те три секунды в эфире, которые никто не прокомментировал. Они уходили. Все девять, медленно, по дугам расходящихся курсов, каждый по своей навигационной карте, каждый в свою темноту. Харад смотрел, пока они не стали снова просто тёмными полосами, длинными, почти параллельными, потом расходящимися, потом слишком далёкими, чтобы читаться как отдельные объекты.

В наушнике диспетчер закрывал протокол.

— Сектор свободен. Патрульным единицам возврат на штатные позиции.

Харад убрал руку с поручня.

* * *

Кают-компания встретила его негромким гулом трансляции и запахом кофе из автомата в углу, дешёвого, термически обработанного, который пили потому что привыкли, а не потому что нравился. Харад налил себе кружку, сел за стол у дальней переборки и расстегнул верхнюю пуговицу кителя. Вахта закончилась. Тело это знало раньше головы, плечи чуть опустились, дыхание выровнялось.

На стене экран трансляции. Официальный канал Альянса показывал церемонию: высокая трибуна, за ней три флага, российский, китайский, американский, подсвеченные так, чтобы складки выглядели максимально торжественно. Говорил кто-то из Координационного совета, Харад не сразу понял кто, звук шёл тихо и он не стал прибавлять. Цифры. Много цифр: девять кораблей, сколько-то человек, сколько-то световых лет, сколько-то десятилетий до первых данных о колонизации. Диктор за кадром интерпретировал эти цифры как повод для гордости.

Харад листал планшет. Сводка была стандартной, типовой документ по итогам операции сопровождения, который патрульным крейсерам выдавали после каждого значимого события. Личный состав Ковчегов по категориям, медицинские показатели на момент старта, техническое состояние систем жизнеобеспечения. Он просматривал по диагонали, как просматривал всегда: сначала структуру, потом аномалии.

Люди, в среднем от ста до сто тридцати тысяч на каждом корабле, в зависимости от координат на правления. Гвардейцы шли отдельной строкой, с разбивкой по батальонам. Научный персонал, своя категория, с пометками о специализациях. Потом раздел, который Харад в первый раз прошёл мимо, потому что глаз зацепился за цифру в соседней колонке, и только с третьей строки вернулся:

«Боевые репликаны серии АР-7: 340 единиц на борту каждого Ковчега. Статус гражданства: условное, подлежит подтверждению по завершении миссии».

Он дочитал до конца фразы и остановился. Потом прочитал снова. «Условное» и «подлежит подтверждению» это были разные слова. Он слышал на инструктаже другие, там говорили: «предоставят». Полное, действительное гражданство с правом на имущество, на проживание, на голос. Там не было слова «условное». Там не было фразы «подлежит подтверждению».

Может быть, он неправильно запомнил. Может быть, инструктаж и сводка использовали разную терминологию для одного и того же. Харад попробовал кофе. Горький, как всегда.

«Подтверждению» это предполагало, что кто-то должен будет подтвердить. Что само по себе оно не наступит. Что есть условие и есть тот, кто решит, выполнено ли оно. «После завершения миссии» это звучало чисто, пока не думаешь о том, что миссия без срока возврата технически никогда не завершится, пока сам Альянс не решит её завершённой.

Он отметил это про себя так, как отмечал всё, что требовало проверки. Просто разница между двумя формулировками, которая могла ничего не значить, а могла, всё. Закрыв раздел.

На трансляции аплодисменты. Сначала в зале, потом ещё где-то, судя по нарастающему фону. Диктор произнёс что-то про «новую эру человечества» с той интонацией, которая предполагала, что слушающий должен почувствовать подъём. Харад смотрел в иллюминатор над столом.

Снаружи было тоже что и всегда, темнота с точками. Он посмотрел туда, где несколько часов назад двигались девять длинных тёмных полос, и не нашёл ничего. Или почти ничего: может быть, одна из точек была чуть менее точкой и чуть более размытым пятном, но он не был уверен. Последний Ковчег ушёл достаточно далеко, чтобы оптика крейсера его не держала.

Темнота была просто темнотой, и пустой. Харад допил кофе, он думал о том, что на каждом из девяти кораблей триста сорок существ, не людей, но разумных, насколько он мог судить, потому что иначе зачем им было обещать гражданство, летят сейчас в эту темноту с бумагой, в которой написано «подлежит подтверждению».

И что никто в зале с тремя флагами, судя по всему, не аплодировал этой конкретной детали.

* * *

Первый год прошёл тихо. Харад читал сводки по Ковчегам так же, как читал любые другие сводки, за завтраком, между докладом о топливных резервах и данными по плотности объектов на патрульном маршруте. Раздел назывался «Программа Наследие: еженедельный статус», и неделя за неделей в нём стояло одно слово: «штатно». Иногда два: «без отклонений».

Он уже не служил на том крейсере, откуда смотрел, как уходят девять тёмных полос. Повышение пришло через четыре месяца после запуска. перевод на «Архангельск», разведывательный фрегат второго класса с экипажем в двести восемьдесят человек и маршрутом, пролежавшим через пояс Койпера и дальше. Другой корабль, другое командование, другой запах воздуха в коридорах, на «Архангельске» система рециркуляции давала едва уловимый привкус озона, который Харад так и не полюбил за два года службы. Но сводки по Ковчегам шли за ним, стандартный раздел разведывательного флота, к которому он был приписан как один из офицеров аналитической службы.

Девять позывных, девять строк в таблице, и девять раз в неделю: «штатно».

Год второй, то же самое. На третий год «Наследие-Четыре» сообщило о неисправности в одном из вспомогательных двигательных контуров. Харад прочёл об этом в пятницу утром, когда его мысли были заняты совсем другим, накануне они с Потапычем перекинулись короткими сообщениями через флотскую сеть, и выяснилось, что тот за полгода в штурмовой пехоте уже успел сломать два ребра на учениях в Якутии и считал это приемлемым исходом. Харад ответил, что это диагноз, а не достижение, и Потапыч прислал в ответ что-то нечленораздельное, но явно довольное.

Он вернулся к сводке. «Неисправность устранена силами бортовых инженеров. Отклонение от курса: в пределах расчётного коридора. Следующий плановый сеанс: по расписанию».

Всего один абзац. Потом снова «штатно» по остальным восьми. И отдельной строкой: первые телеметрические данные от «Наследия-Семь» о межзвёздной среде на маршруте: плотность водорода ниже расчётной, тепловой фон соответствует модели. Харад прочёл это дважды, не потому что там было что-то тревожное, а потому что впервые подумал: эти данные, в числе первых, которые человечество получает из той части пространства. До «Семёрки» там никогда не было ничьих датчиков.

Он отложил планшет и допил чай, потом снова взял планшет и дочитал раздел.

Шестой год. Последний плановый сеанс связи со всеми девятью. Харад читал сводку в кают-компании нового корабля «Новосибирск», тяжёлый разведчик, который ему передали под командование семь месяцев назад. Ел яичницу. За иллюминатором висел Сатурн в трети видимого поля, они стояли на орбите, пока технический состав заканчивал регламентные работы на внешнем корпусе.

Все девять Ковчегов вышли на плановый сеанс по расписанию. Данные телеметрии в норме. Курсовые отклонения в пределах допуска. Экипажи по штату. Одна строчка о том, что «Наследие-Два» фиксирует аномальный радиационный фон на краю зоны уверенного приёма, но уточняет, что это, вероятно, помехи от неизвестного источника, и запрашивает дополнительные данные у Центра мониторинга дальней связи.

Харад сделал пометку. Отправил запрос в Центр мониторинга. Центр ответил через трое суток: фон зафиксирован, источник не идентифицирован, за пределами текущего диапазона наблюдения. Рекомендовано наблюдение. Больше ничего примечательного.

Яичница остыла, пока он дочитывал.

Год седьмой начался как шестой. Он уже не вспоминал о «подлежит подтверждению» каждый раз, когда открывал раздел по Ковчегам. Это осело где-то ниже, как осаждается взвесь, не исчезло, но перестало быть ежедневным. Иногда, когда приходила строка «статус гражданства: условное», он задерживал взгляд. Потом шёл дальше.

Плановый запрос ушёл в назначенное время. Харад был на мостике не из-за Ковчегов, просто смена. «Новосибирск» завершал долгий разворот после картографической миссии, и Харад стоял у навигационного стола, когда дежурный оператор связи произнёс без особой интонации:

— Четыре позывных не отвечают.

Харад поднял голову.

— Повторить запрос.

— Уже идёт, командир.

Он ждал. На мостике негромко гудело, обычный фоновый звук систем, который перестаёшь замечать через месяц службы. Теперь Харад его слышал.

Повторный запрос ушёл по спец.каналу, ответили только пятеро, четыре остальных... тишина.

Уведомление пришло ему на планшет через час после первого сбоя: стандартное, автоматически сгенерированное, с пометкой «для сведения» вместо «к исполнению». Харад прочитал его, вернулся к началу и прочитал снова.

«Наследие-Три». «Наследие-Пять». «Наследие-Шесть». «Наследие-Восемь». Плановый запрос, без ответа. Повторный, без ответа. Технический сбой не исключён. Рекомендовано ожидание следующего планового окна.

Он положил планшет на навигационный стол. За иллюминатором тянулась темнота, всё та же, что и всегда. Там, куда ушли Ковчег, не было ничего видимого. Только расстояние, которое свет проходит за годы. Если что-то и случилось там, свет об этом ещё не добрался.

Следующее плановое окно через семь дней. Харад снял уведомление с экрана и вернулся к навигационному столу. Смена продолжалась.

* * *

На восьмой год три сигнала пришли с интервалом в девятнадцать часов. Первый в четыре тридцать утра по корабельному времени. Харад спал. Дежурный офицер не стал его будить, аварийный импульс с «Наследия-Три» был стандартным, протокольным, сгенерированным бортовым ИИ при катастрофическом разрушении корпуса. Таких за историю флота приходило немало. Дежурный внёс в журнал, поставил пометку «к сведению Харادا», дождался смены.

Второй пришёл в двадцать три ноль семь того же дня. «Наследие-Шесть».

Харад читал оба, когда третий ещё шёл через реле. «Наследие-Восемь» через девятнадцать часов после первого, минута в минуту. Он дочитал строчку, отложил планшет, взял его снова.

Три импульса. Три стандартных аварийных маяка. ИИ Ковчegov успели отправить сигнал о своей гибели, но не успели передать данные, слишком быстро. Что именно произошло в бортовых системах за секунды до разрушения, осталось там, среди обломков, которые уже несколько месяцев дрейфовали в пустоте на расстоянии световых лет.

Харад поднялся и прошёл в штабной отсек, хотя до брифинга оставалось два часа. Он сидел за столом, когда туда вошёл майор Корнилов из аналитической группы, с планшетом наперевес и усталыми глазами человека, который не ложился. Харад кивнул ему на стул.

— Докладывайте.

Корнилов сел, поставил планшет на стол, развернул к Хораду. Четыре строки в сводке. «Наследие-Три» уничтожен. «Наследие-Шесть» уничтожен. «Наследие-Восемь» уничтожен. «Наследие-Пять» статус: неизвестен.

— Предварительный анализ, произнёс Корнилов, глядя в экран.

— Причина уничтожения трёх Ковчegov не установлена. Данные бортовых ИИ не переданы. Рабочие версии: столкновение с неизвестным объектом, внутренняя катастрофа, внешнее воздействие. Все три равновероятны. По «Наследию-Пять», сигналов нет с конца седьмого года. Ни аварийного импульса, ни плановых запросов, ни ответов по спец.каналу. Просто прекратили отвечать.

Харад смотрел на четыре строки. Три уничтожены, что с другим, неизвестно. Это были разные вещи. Три аварийных импульса означали: что-то произошло, произошло быстро, ИИ успел только нажать условную тревожную кнопку. «Наследие-Пять» не прислало даже этого. Оно ушло в тишину раньше, и беззвучно, без последнего слова, и с тех пор девять месяцев эта тишина ничем не объяснялась.

— Версии по «Пятому» те же? спросил Харад.

— Те же, сказал Корнилов. — Плюс навигационный сбой с уходом из зоны уверенного приёма. Но это маловероятно, там должен был сработать аварийный протокол коррекции курса.

Харад помолчал.

— На борту каждого из них больше ста тысяч человек. И по триста сорок репликантов. Он не повышал голос, просто произнёс это ровно. — Кто-нибудь думает о том, что с ними стало?

Корнилов задумчиво смотрел в планшет, пальцы правой руки отбивали рваный ритм.

Тишина в штабном отсеке длилась несколько секунд. За переборкой негромко гудели системы «Новосибирска» ровный и привычный звук, который не менялся ни в каких обстоятельствах. Харад слышал его сейчас так же, как слышал его неделю назад, когда четыре позывных не ответили на плановый запрос. Тот же гул и темнота за иллюминатором.

Корнилов так ничего и не сказал.

Харад закрыл сводку. Четыре Ковчега ушли в тишину, три судя по всему, уже навсегда. Пять продолжали идти. Два из них «Наследие-Один» и «Наследие-Четыре» несколько месяцев назад передали подробные данные о туманности: есть пригодные для жизни планеты, флора и фауна крайне агрессивны, колонизация возможна, но потребует долгой работы. Альянс уже запросил предварительные расчёты для экспедиции поддержки.

Это тоже было в сводке, отдельным разделом, с пометкой «перспективы».

Харад встал, подошёл к иллюминатору. Смотреть там было не на что, тот же сектор пространства между орбитами Урана и Нептуна, который он видел каждый день. Но он стоял и смотрел, пока Корнилов собирал планшет и уходил, пока шаги не затихли в коридоре.

Трое уничтожены, один пропал без следа. Пятеро идут дальше, и двое из них уже зовут остальных за собой.

Альянс начнёт обсуждать экспедицию. Это будет долго, расчёты, согласования, политические сессии. Харад знал этот ритм. Он знал, как выглядит машина, которая начинает развиваться.

Он повернулся от иллюминатора и вышел на мостик, смена продолжалась.

* * *

Директива пришла через служебный канал в начале второй смены. Не трансляция, не сводка для всего мостика, отдельный пакет, адресованный офицерам от майора и выше, с грифом «для служебного пользования». Харад открыл его за столом в своей каюте, между сводкой по топливному расходу патрульного сектора и запросом на переаттестацию двух навигаторов.

Документ назывался «О статусе боевых репликантов серийного класса АР-7, не включённых в состав экипажей межзвёздных транспортных». Четыре страницы. Плотный административный текст с перекрёстными ссылками на три предыдущих постановления.

Ключевая формулировка находилась в третьем разделе, во втором абзаце.

«Присвоение гражданского статуса переносится на неопределённый срок в связи с изменением оперативной обстановки и пересмотром программ размещения личного состава класса АР-7».

Харад прочитал абзац. Потом перечитал медленнее, и проверяя, не пропустил ли чего. Нет, не пропустил.

Он откинулся на спинку кресла. «Изменение оперативной обстановки» это было точно сформулировано, ничего не поделаешь. Три Ковчега уничтожены. Четвёртый пропал в тишину. Альянс не знал, что случилось в дальнем космосе, и, судя по темпу реакции, не был уверен, что узнает в ближайшее время. Репликанты серии АР-7 были разработаны и произведены для конкретной задачи: гвардейский личный состав на борту Ковчегов Наследия, первая линия обороны новых колоний, штурмовые единицы для подавления возможных угроз на чужих планетах. Четыре Ковчега из девяти выбыли, и вместе с ними выбыли четыре гвардейских соединения. Резервные репликанты, оставшиеся в системе, ждали мест, которых больше не существовало.

Это была логика, которая внутри своей системы координат работала.

Харад встал и прошёл к иллюминатору. Восемь лет назад, когда строительство Ковчегов завершалось, в официальной трансляции Альянса была отдельная секция, посвящённая боевым репликантам. Харад тогда смотрел её без особого интереса, он был занят своим сектором. Но кое-что запомнил, потому что формулировка показалась нарочито обтекаемой: гражданский статус репликантов класса АР-7, подлежит подтверждению по завершении программы колонизации. Он тогда ещё поймал это «подлежит», отметил: не «будет предоставлен», а «подлежит подтверждению» и закрыл трансляцию.

Теперь «подлежит подтверждению» стало «переносится на неопределённый срок».

Разница между этими двумя формулировками была точно того же рода, что разница между «возможно» и «никогда, но мы это так не называем». Харад не написал рапорта.

Это был не его уровень. Он был командиром патрульного крейсера, офицером среднего звена в структуре, которая принимала такие решения на этажах, до которых ему было ещё далеко. Его дело обеспечить боеспособность «Новосибирска», выполнять приказы, не превышать полномочий. Политику Альянса он оспаривать не был уполномочен, да и не стал бы, не потому что не имел мнения, а потому что понимал: его рапорт не изменит директиву. Он уйдёт в архив, и всё.

Но он не закрыл документ. Он стоял у иллюминатора и думал о том, что обещание было дано. Это был факт, который никуда не делся от того, что формулировка изменилась. Где-то в системе, на орбитальных станциях, на Марсе, и в резервных батальонах стояли боевые единицы, которым сказали: вы получите гражданство. Им сказали это официально, в документах, со ссылками на законодательную базу. Они это знали, у них была долгосрочная память и архитектура, которая не стиралась от удобства администрации.

Они знали, что было обещано, и теперь они читали ту же директиву, что и он.

Харад не знал, что чувствуют репликанты. Он не был уверен, что уместно применять слово «чувствуют» в полном смысле, это был открытый вопрос, на который у него не было ответа. Но он знал, что такие вещи не остаются без последствий. Не потому что был наивен, а потому что служил достаточно долго, чтобы понимать: нарушенные договорённости имеют инерцию. Они не гасятся. Они откладываются и накапливаются, и в какой-то момент накопившееся находит выход и выход этот редко бывает контролируемым.

Он не знал, когда это случится. Как и не знал, в какой форме. Он только запомнил: обещание было дано, и обещание не было выполнено. Харад закрыл документ. Поставил галочку «ознакомлен». Вернулся к сводке по топливному расходу.

Смена продолжалась.

* * *

Вызов пришёл без предупреждения, короткая строка в служебном терминале: «Явиться к командующему флотом. 09:00». Ни темы, ни пометки.

Харад прибыл без пяти девять. Кабинет командующего занимал угол административного крыла орбитальной станции «Марс-Альфа» помещение без лишней мебели, с одним широким иллюминатором, в котором висела красновато-охровая полоса планеты. Адмирал флота Громченко стоял не за столом, а сбоку от него, и смотрел на то, что было развёрнуто в центре комнаты.

Голографическая карта занимала метра полтора в диаметре. Млечный Путь схематично, как тонкая светящаяся линза и три точки в дальнем рукаве, отмеченные красным. Не кружками. Пульсирующими точками, как у навигационной системы, когда сигнал получен и больше не повторяется.

Харад встал смирно. Громченко оглянулся, кивнул, садиться не предложил.

— Три аварийных импульса, сказал командующий. — Восьмой год полёта. Автоматика, не люди. ИИ не успел передать данные, только координаты и код «уничтожение корпуса». Больше ничего.

Харад смотрел на три точки. Они мерцали в одном секторе, не рядом но в пределах одной зоны. Несколько световых месяцев между ними. Что бы это ни значило, оно не было случайностью маршрута.

— Альянс принял решение, продолжил Громченко. — Триумвират-флот. Три эскадры от каждого из секторов, единое командование. Задача, прибыть к координатам, установить причину, найти выживших, оценить угрозу. Если угроза подтвердится, либо уничтожить, либо отступить с данными. Срок подготовки, восемнадцать месяцев.

Он помолчал.

— Командование предложено одному офицеру. Громченко наконец посмотрел на него прямо. — Вам, Харад.

Тишина в кабинете была такой, что был слышен гул вентиляции. Харад смотрел на карту. Три красные точки пульсировали мерно, и равнодушно, как отметки на учебном полигоне. Только это был не полигон. Это были координаты последних секунд трёх кораблей, каждый из которых был длиннее иного города. Три Ковчега Наследия, шестьдесят километров корпуса, гвардейские батальоны, гражданский персонал, научные группы, техники, медики, дети колонистов, которым было по восемь лет, когда они ушли из Солнечной системы.

Три кода «уничтожение корпуса». Что бы ни стояло за этими точками, оно уничтожило три таких корабля. Каждый из которых мог принять удар линейного флота и продолжать двигаться.

— Принимаю, сказал Харад.

Без паузы. Не потому что не понял, что это значит, а потому что понял.

Громченко смотрел на него секунду, потом кивнул, коротко, как ставят галочку.

— Восемнадцать месяцев. Формирование состава через штаб флота, список я подпишу лично. Приоритеты: разведка дальнего действия, тяжёлые крейсера, медицинский блок усиленного состава. И научная группа, не символическая, полноценная. Если там есть что изучать, вы должны быть готовы это изучить, а не только уничтожить.

— Понял.

— Свободны, Харад.

Он развернулся. Сделал три шага к двери, взялся за ручку.

— Харад.

Он остановился.

— Четвёртый, сказал Громченко, — просто исчез. Ни кода, ни импульса. Ничего.

Харад не ответил, ему нечего было ответить. Коридор административного крыла был длинным и слабо освещённым, дежурный режим, час пик ещё не начался. Харад шёл, не замедляя шага, и думал не о том, с чего начать формирование флота, это было техническое, это можно было разложить по пунктам. Он думал о другом.

Сто тысяч человек в среднем на каждом из Ковчегов. Это была публичная цифра, он слышал её в официальных сводках, больше трёхсот тысяч человек, которые ушли из Солнечной системы восемь лет назад и которые либо уже мертвы, либо умирали прямо сейчас на каком-то обломке, который автоматика не успела зафиксировать.

Он дошёл до конца коридора, где был небольшой технический отсек с иллюминатором. Остановился, Марс в иллюминаторе. Та же красноватая полоса, что и в кабинете командующего, только снизу. Три точки, это был ответ, плохой ответ, но ответ. Три корабля уничтожены. Три автоматических сигнала. Хронология есть, координаты есть, масштаб потерь понятен.

Четвёртый исчез. Харад стоял у иллюминатора и думал о том, что это другая категория. Гибель, это трагедия, но у неё есть форма. Она поддаётся анализу, у неё есть причины, её можно расследовать. Исчезновение это вопрос, у которого может не быть ответа никогда. Шестьдесят километров корпуса, люди и репликанты на борту, и в ответ только тишина. Никакого кода, никакого импульса, никакого «уничтожение корпуса». Просто: был корабль и нет корабля.

Он не знал, что хуже: знать, что они мертвы, или не знать ничего.

За иллюминатором Марс висел неподвижно, равнодушный ко всему этому. Харад убрал руку от стекла, по которому без его ведома прошла ладонь, как будто он проверял, настоящее ли.

Восемнадцать месяцев.

Он пошёл к штабному сектору. Работа начиналась сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.